

ПЕКАРА

ЯЦЕК

fan_zon

Я, инквизитор

Молот
ведьм

Я, инквизитор (Цикл о Мордимере Маддердине)

Яцек Пекара
Молот ведьм

«ЭКСМО»

2003

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

Пекара Я.

Молот ведьм / Я. Пекара — «Эксмо», 2003 — (Я, инквизитор
(Цикл о Мордимере Маддердине))

ISBN 978-5-04-158170-1

Вот он – инквизитор и Молот ведьм. И перед ним новые испытания, новые головоломки, новые сражения. Столкновения с ведьмами и демонами, еретиками и богохульниками. Но что хуже – со злобной силой, которая зародилась в Ватикане. Достаточно ли его страстной веры, стальных нервов и острого ума, чтобы выжить? Какова будет цена сострадания к невинным жертвам? В сердце слуги Божьего горит святой жар веры и желание служить. Меч Господа рубит, чтобы отделить агнцев от козлищ и зерна от плевел, а потом предать скверну огню. Некоторые люди сомневаются, что Христос действительно сошел с креста. Это все работа сатаны. Вы сомневаетесь? Не ожидаете инквизицию? Тогда бойтесь!

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-04-158170-1

© Пекара Я., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

Сады памяти	6
Молот ведьм	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Яцек Пекара

Молот ведьм

© С. Легеза, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней дьявольских. Станьте к битве, препоясавши чресла ваши в истину и облекшись в броню справедливости, и обувши ноги в готовность благовествовать¹.

Св. Павел. Послание к Ефесеянам (6:11, 6:14–15)

¹ В канонический текст добавлено «..к битве», и вместо синодального «в броню праведности» – использовано «в броню справедливости». (Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер).

Сады памяти

*И многие лжепророки восстанут, и прельстят многих.
Евангелие от Матфея (24:11)*

Имя мое – Мордимер Маддердин, и я – инквизитор Его Преосвященства епископа Хеззрона. Я добродетельный, честный, исполненный смирения и страха Божия человек, который нашел свое призвание в утешении грешников и в том, чтобы направлять их на путь, проторенный Господом Всемогущим, Ангелами и Святой Церковью...

Пиши я воспоминания, именно так бы и начал. Но я не пишу воспоминаний и не думаю, что когда-нибудь начну. И не только потому, что в душе и разуме человека всегда сыщутся места, куда заглядывать вовек не стоит, но и потому, что труд мой – обычен и приземлен. Я лишь один из сонма работников нашей Святой Матери Церкви. Слуга Божий. И подвиг, который я совершаю в своей жизни чаще всего, – борьба с клопами и вшами в корчме «Под Быком и Жеребчиком», где я живу, благодаря милости владельца, ветерана Шенгена. А мы – те, кто пережил шенгенскую резню, – имеем обычай держаться вместе и помогать друг другу, пусть бы и разнились один от другого профессией, происхождением или достатком.

В тот день я почивал на втором этаже гостиницы и вслушивался в стон ветра за окном. Лето уходило, начинались первые холодные, дождливые дни. И было это хорошо, ибо теперь смрад сточных канав – в том числе самой большой из них, что зачем-то звалась здесь рекой, – становился почти терпимым. А ведь ваш нижайший слуга имеет необычайно тонкое обоняние: запах гниющих останков и нечистот ввергает меня в отвращение.

Я как раз раздумывал над собственным утонченным чувством прекрасного, когда услышал шаги на лестнице. Самая расшатанная ступенька отчаянно скрипнула, а я приподнялся на локтях и взглянул на дверь. Раздался негромкий стук.

– Войдите, – сказал я, и дверь приоткрылась.

На пороге я увидел женщину, закутанную в темный шерстяной платок. Лицо ее было под цвет платка, а длинный кривой нос заставлял вспомнить ведьм с гравюр, изображавших шабаш.

Ах, насколько же ложны такие представления, милые мои. Вы поразились бы, узнав, сколь красивые и благородные женщины предаются дьяволу. Да и что бы ему охотиться меж высохших, отцветших девиц навряде той, что явилась ко мне в комнату? Известно ведь: дьяволу больше по нраву красотки-молодухи со свежими щечками и торчащими грудками. А у этой женщины красивыми были разве что зеленоватые глаза, но при том обладала она пристальным птичьим взглядом.

– Мастер Маддердин, – сказала, склоняя голову. – Захотите ли вы меня принять?

– Прошу, – ответил я и указал на табурет, а она присела на краешек. – Чем могу служить?

– Мое имя Верма Риксдорф, благородный мастер, и я – вдова купца зерном Амандуса Риксдорфа, прозванного Жилой.

– Он был настолько прижимистым? – пошутил я.

– Нет, господин. – Я подметил, что на ее щеках появился румянец. – Его называли так совсем по другой причине...

Хотел спросить, по какой же именно, но вдруг понял и рассмеялся.

– Ах, да, – сказал я, и она покраснела еще сильнее. – Слушаю, Верма. С каким делом ты пришла ко мне?

– Мне нужна помощь. – Она подняла взгляд и твердо посмотрела мне в лицо. – Помощь кого-то достаточно важного, бесстрашного и готового к путешествию.

– Будь я важным, не обитал бы в этой гостинице. Путешествие во время осенних дождей мне тоже не по нраву, а что до бесстрашия, то денно и ночью дрожу я в страхе перед Господом. Не повезло тебе, Верма. До свидания.

– Но господин, – я услышал в ее голосе беспокойство. – Мне рекомендовали тебя друзья друзей. Говорили, что ты человек, сила которого сравнима лишь с твоей же решительностью, и что нет равных тебе в преследовании дьявола и его приспешников.

– Льстят, – сказал я, ибо был глух к лести. Хотя... Настолько вежливые слова всегда щекочут сердечко.

Ничто так, как первоначальное безразличие, не повышает сумму, с которой клиент готов расстаться в обмен на услугу. А за душой у вдовы купца зерном наверняка имелось кое-что посерьезней вдовьего грошика. И пусть одежда ее не соответствовала моим надеждам, но доводилось мне видеть и княжон, что одевались, будто нищенки. Да-да, не так уж много на свете того, что способно удивить вашего нижайшего слугу.

– Я не богата, – сказала она, а я пожал плечами. Ну почему бы клиентам не придумать другую песенку? – Однако я в состоянии немного заплатить за небольшую услугу.

«Будь услуга действительно небольшой, ты не искала бы встречи со мной. А будь ты красивой, нашелся бы и другой способ меня отблагодарить», – подумал я, но не сказал ни слова. Минуту-другую смотрел на нее в молчании.

– Говори, – молвил наконец. – Как раз нынче у меня нет дел.

Будь Верма Риксдорф красивой молодой девушкой, я предложил бы ей кубок вина, но поскольку выглядела она так, как выглядела, мне даже не хотелось подниматься с постели.

– У меня есть сестра, что живет в Гевихте, в сорока милях на север от Хеза, – начала она. – Это маленький городок, а сестра переехала туда, когда вышла замуж за торговца скотом Туреля Воснитца, и надо сказать, противу воли родных, поскольку...

Я вскинул руку:

– Нет нужды рассказывать мне историю твоей семьи. Мне нравятся лишь увлекательные рассказы.

Верма Риксдорф сжала губы, но ничего не ответила.

– Будет и увлекательно, обещаю, – сказала наконец.

– Ну, если обещаешь... – Я кивнул, чтобы продолжала.

– Сестра воспитывает восьмилетнего сына. И рассказала мне, что у ребенка есть определенные... – Она замолчала, не зная, что сказать, и нервно сжала руки. – Можно мне кубок вина?

Я указал на столик с кувшином и двумя грязными кубками. Верма Риксдорф вытерла один краем платка – что за стремление к чистоте! – и налила вина.

– А вы, мастер? – спросила и, не дожидаясь ответа, наполнила второй кубок. Подала его мне.

Снова уселась на табурет и взглянула себе под ноги, поскольку наступила на лежавшую на полу книгу. Были это «Триста ночей султана Алифа», куда как небезынтересная вещица, которую я получил от моего приятеля, печатного мастера Мактоберта. Я снова увидел, как она покраснела. Ну-ну, уж если это название ей что-то говорит, значит, не настолько Верма Риксдорф выцветшая и скучная, какой кажется.

«Триста ночей султана Алифа», конечно, находились в списке запретных книг, но как раз на такого рода нарушения глядят сквозь пальцы. Я сам видел изукрашенный, с реалистично исполненными рисунками экземпляр у Его Преосвященства Герсарда, епископа Хез-хезрона. Ха, триста ночей, триста женщин – интересная жизнь была у султана Алифа! Хотя, скажем честно, повесть заканчивалась печально, ибо султана, поглощенного непрестанным трахом и не занимающегося делами государства, приказывал убить великий визир.

*Зачем, ах, зачем отдавался я похоти,
В объятиях наложниц вкушая усладу?
Жаль мне сего: пред Господним лицом
Гляжу я на меч: бьет, не знаю с ним сладу,*

– говорил султан в конце, и был сей монолог столь дурно написанный, что аж скулы сводило. Впрочем, рассказывали, что его приписали через много лет после смерти автора, желая добавить повести морализаторства. Вполне возможно, поскольку фантазия копиистов и печатников безгранична.

Я так задумался о султани Алифе и обстоятельствах его жизни, что почти позабыл о женщине, сидевшей напротив.

– Могу ли я продолжать?

– Ах, простите, – ответил я и отпил винца. Научу ли когда-нибудь Корфуса, чтоб хотя бы мои кувшины не крестил водой?

– Сынок сестры обладает особым даром, – сказала она, и я видел, что говорит через силу. – В святые дни его ладони и голени покрываются кровавыми ранами...

Я приподнялся с постели.

– ...и раны также возникают у него на челе – там, где варвары возложили на Господа нашего терновый венец.

– Стигматы, – сказал я. – Чудненько.

– Да, стигматы, – повторила она. – Сестра скрывала это так долго, как могла, но в конце концов дело выплыло наружу.

– И?..

– Местный приходской священник показывал парня во время церковных праздников. Люди приезжали издалека, чтобы на него взглянуть. Ну и понятно...

– Приносили немалый доход, – закончил я за нее.

– Именно, – вздохнула Верма Риксдорф. – Только вот, мастер Маддердин, – глубоко вдохнула. – Делом крепко заинтересовались местные инквизиторы.

– Инквизиторы? В Гевехте? – спросил я, поскольку знал все местные отделения Инквизиториума, а о таком городке ни разу не слыхивал.

– Нет, приехали из Клоппенбурга.

А вот это походило на правду. В Клоппенбурге я бывал и самолично видел маленький каменный дом Инквизиториума, даже присутствовал там на ужине. На очень интересном ужине, как потом оказалось, поскольку благодаря ему в памяти моей вспыхнули давно угасшие воспоминания.

Я не слишком удивился и тому, что инквизиторы заинтересовались этим возможным чудом. Все же мы – гонимые псы, а здесь след был слишком отчетливым. Приходской священник поступил не очень-то умно, открыв то, что случилось с ребенком. Разве его не учили, что в худшем случае закончит он на костре вместе с мальчишкой и его матерью? Мы, инквизиторы, не любим чудес, ибо знаем, сколько обличий у Зверя, и видели хитрейшие из его деяний. А под пытками всякий признается, что он – сообщник самого дьявола.

– Печальное дело, – сказал я искренне, поскольку паренька было жаль. – И чем же я могу помочь?

– Отправляйтесь туда, мастер, – попросила Верма Риксдорф с жаром в голосе. – Молю вас, езжайте и посмотрите, что удастся сделать.

– Я не могу контролировать работу местных инквизиторов.

Было это не совсем правдой, поскольку, имея лицензию в Хезе, я теоретически обладал властью над всеми инквизиторами из местных отделений Инквизиториума. Но обратили ль вы, милые мои, внимание на слово «теоретически»? Местные инквизиторы очень не любят,

когда кто-либо вмешивается в их дела, а неписанный кодекс гласит, что без поручения епископа нам не следует путаться под ногами у других. И это разумно. Нам хватает врагов в этом мире, чтобы не создавать их еще и среди своих. Хотя паршивые овцы случались и меж нами: те, коих следовало отделить от стада. Но это не было делом вашего нижайшего слуги, а от тех, кто таким занимался, я предпочитал держаться подальше.

Я вспомнил Мария фон Бохенвальда – ловца еретиков, – и мне сделалось холодно. И это при том, что я не робок сердцем, а Мария вспоминал лишь с благодарностью, поскольку он спас мою жизнь.

– Просто взгляните, что там происходит, – сказала она почти плаксивым тоном. – У меня есть немного сбережений...

Я поднял руку.

– Это не только вопросы чести. Но я сделаю для тебя кое-что, Верма. Сообщу обо всем Его Преосвященству епископу. Может, он захочет, чтобы я разобрался в деле. Вернись ко мне через пару-тройку дней – и я сообщу, чего удалось добиться.

* * *

Его Преосвященство Герсард – епископ Хез-хезрона и глава Инквизиториума – бывал капризен, словно избалованная девица. Порой требовал, чтобы я днями напролет ожидал в его канцелярии (обычно без конкретной цели), а порой неделями не вспоминал о моей скромной персоне. Впрочем, подобное меня вполне устраивало, поскольку тогда я мог посвятить себя делам, что показались бы ничтожными с высоты епископского положения: таким, например, как зарабатывание на кусочек хлеба и глоток воды. Тот факт, что я сам просил об аудиенции, верно, удивил его настолько, что епископ соизволил принять меня уже утром следующего дня. Я лишь надеялся, что Его Преосвященство не будет страдать от приступов подагры, поскольку тогда беседа с ним оказалась бы крайне неприятной. Недавно я услышал, что медики обнаружили у Герсарда еще и геморрой, – и это известие не прибавило мне радости. Если у Его Преосвященства случится одновременно приступ подагры и геморроя, то нас, инквизиторов, ждут развеселые деньки.

Я облачился, как пристало человеку моей профессии: в черный кафтан с вышитым сломанным серебряным распятием на груди, на плечи набросил черный плащ и надел черную шляпу с широкими полями. Я не очень-то люблю профессиональный наряд, да и занятие мое нередко требует сохранения инкогнито. Но на официальную аудиенцию не следует являться в гражданском платье. Герсард умеет быть крайне неприятным для персон, нарушающих правила этикета.

Пока я добрался до двери епископского дворца – промок, словно бездомный пес. С полей шляпы капало, а плащ облепил тело мокрой тряпкой.

– Собачья погода, мастер Маддердин, – с сочувствием произнес стражник, которому повезло стоять под навесом. Глянул по сторонам – нет ли кого. – Наливочки? – предложил вполголоса.

– Слова твои, сыне, как елей на сердце. – Я приложил баклагу к губам.

Огненная, крепкая, как зараза, сливовица обожгла мне рот и горло. Я с чувством выдохнул и вернул фляжку.

– Вот отрава, – сказал, хватая воздух ртом. – Ты должен рассказать мне, где делают такие деликатесы.

– Семейная тайна, – ухмыльнулся он щербатой усмешкой. – Но если позволите, пришлю вам с пареньком кувшин побольше.

Я похлопал его по плечу.

– Заработаешь мою пожизненную благодарность, – ответил и переступил порог дворца.

Канцелярист у апартаментов епископа, узрев мой плачевный вид, лишь вздохнул и указал, чтобы я присаживался.

– Его Преосвященство сейчас вас примет, инквизитор, – сказал сухо и вернулся к бумагам, которые неровными стопками громоздились на столе.

Я чихнул и отер нос тыльной стороной ладони.

– Дай Бог здоровья, – сказал он, не поднимая глаз.

– Спасибо, – ответил я и вручил плащ со шляпой служащему, который появился из боковой двери.

Очень скоро из-за створок, ведущих в епископские апартаменты, выглянул бледный секретарь Герсарда. Он был новеньким во дворце, и я мог лишь искренне ему посочувствовать. Его Преосвященство менял секретарей, словно перчатки. И не то чтобы слишком многого требовал. Чаше те сами не выдерживали перепадов епископского настроения и круглосуточных пьянок, прерываемых многочасовой напряженной работой. А нужно признать, что епископ, несмотря на подагру, геморрой (если, конечно, сплетня была правдивой), немалый возраст и многолетнее налегание на еду и выпивку, был крепок, словно вол.

– Его Преосвященство вас просит, – объявил секретарь и с интересом глянул на меня.

Я встретил его взгляд, и он быстренько опустил глаза. Что ж, не многие готовы играть с инквизитором в игру под названием «Кто первый отвернется».

Приемные апартаменты епископа были обустроены чрезвычайно скромно. В первой комнате стояли полукруглый стол и шестнадцать резных кресел. Тут происходили всякие важные совещания. Сказать по правде – происходили весьма редко, ибо епископ не любил говорить на людях, предпочитая доверительные беседы для двух, максимум – трех пар ушей. И вот эти-то беседы проходили во второй комнате, где стоял огромный палисандровый стол-бюро. Его столешница сгодилась бы на палубу для небольшой ладьи. Епископ сидел обычно за одним концом стола (под резными львиными головами), а гостей сажал на другой. В комнате были еще два набитых бумагами секретера, заставленные книгами полки на всю стену и маленький остекленный шкафчик, в котором взблескивали хрустальные бокалы и бутылка-другая хорошего винца. Известно было, что епископ горазд время от времени тем вином угощаться и порой не способен покинуть канцелярию на своих двоих.

– Здравствуй, Мордимер, – сказал он сердечно.

Я с облегчением заметил, что Его Преосвященство вполне свободно сидит в кресле, а руки его не перевязаны бинтами. Это означало, что сегодня его не мучают ни геморрой, ни подагра и все жаждущие могут рискнуть и изложить свои просьбы. По усмешке же и глазам я понял, что епископа не терзают ни похмелье, ни упреки совести, связанные с пьянством (случаи которого были ничуть не лучше приступов подагры). Перед Герсардом стояли наполовину полная бутылка вина и почти пустой бокал, сам же епископ казался слегка навеселе. Повезло бедному Мордимеру – попал в добрый час.

– Что тебя привело? – Его Преосвященство широко повел рукою, веля садиться, – и я послушно примостился на краешек кресла.

– Возьми бокальчик, – добавил он, взмахнув теперь второй рукой, – и налей себе. Неплохое винцо. – Он слегка икнул. – Эти проклятые доктора говорят, что у меня язва и что пить нельзя, – прервался, быстро глянув на меня. – А знаешь почему, Мордимер?

– Потому что содержащаяся там кислота раздражает больной желудок?

Ну-ну, то еще начало. Если Его Преосвященство получит весь букет болезней – подагру, геморрой и язву, – то жизнь его работников сделается и вовсе достойной сожаления.

– Точно, – прищурился он. – Именно так и говорят. Ты что, с ними общался?

– Нет, Ваше Преосвященство, – покачал я головой быстрее, чем следовало бы. – Анатомия и физиология, как и некоторое знание о лечении простейших недугований, входили в мое обучение.

– Простейших недомоганий, говоришь... Ну да, Мордимер, что-то я позабыл, ты ведь у нас ученый.

Ого, Его Преосвященство сделался ядовит. Нехорошо. А я совершил непростительную ошибку, заставив предполагать, что считаю язву простейшим недомоганием. Когда же ты обучишься придворной жизни, бедный Мордимер?

– Приказывают мне пить такую гадость, – пожаловался епископ, теперь уже более жалобным тоном. – Смердит, словно блевотина, а на вкус, – махнул снова рукой, – лучше и не говорить.

– Я бы посоветовал молоко, Ваше Преосвященство, – сказал я самым вежливым тоном, на который оказался способен. – Едва только почувствуете изжогу, выпейте кубок свежего молока...

– Молока? – глянул на меня подозрительно. – Издеваешься, Мордимер?

– Разве я посмел бы? – быстро возразил я. – При изжоге, язве и проблемах с желудком молоко – лучше всего. Уж поверьте мне.

– Может, и молоко, – подпер он голову. – Ну, лучше молоко, чем та отравя. А может... – что-то опасное мелькнуло в его взгляде. – Может, они хотят отравить своего епископа?

Меч Господень, Его Преосвященство, кажется, пьян сильнее, чем могло показаться! Видать, ополовиненная бутылка была не первой, что нынче гостила на столе у епископа.

– Никому нельзя доверять, Ваше Преосвященство, – сказал я, – кроме святолюбивых мужей, таких, как вы. Если Ваше Преосвященство прикажет, устрой им допрос.

– Э-э, а где потом найти других? – вздохнул он наконец, покачав головой. – Я уж знаю твои допросы, Мордимер. Думаешь, позабыл, как ты допрашивал двоюродного брата графа Верфена?

Я предпочел промолчать, поскольку дело было прошлое и за него мне уже перепало от епископа. Да и Верфенов кузен умер не по моей вине: я даже не успел до него дотронуться, всего лишь сердечно и спокойно объяснил принципы действия наших инструментов. А он – заморгал, захлебнулся воздухом, покраснел и отдал Богу душу. Ужасно впечатлительно наше дворянство, но я не особо желал углубляться в дискуссию на эту тему, потому лишь покорно склонил голову.

– Пытал-пытал и выпытал, – пробормотал недовольно епископ. – А я потом объясняй, отчего мои инквизиторы убивают дворян. И почему я тогда не отобрал у тебя лицензию, а, Мордимер? – насутился он.

Если, милые мои, вы задаетесь вопросом, жалел ли ваш нижайший слуга, что попросил об аудиенции у епископа, то твердо знайте: да, жалел. И куда охотней лежал бы сейчас в своей комнате, ибо компания вшей и клопов приятней и – что важнее – безопасней, чем компания Герсарда.

– Ну ладно, – он глубоко вздохнул. – Раз уж говоришь: «молоко» – попробуем молоко. Вот только срачка не нападет ли? – забеспокоился Его Преосвященство. – Хотя лучше срачка, чем язва. А медикам прикажу пить их же микстуры. Пусть сами испробуют, какое это удовольствие. Да, а чего ты, собственно, от меня хотел-то, Мордимер?

– Я позволил себе просить вас об аудиенции, чтобы представить Вашему Преосвященству некую проблему...

– Проблему, – прервал меня епископ. – Всегда только проблемы, которые мне, – сделал ударение на последнее слово, – приходится решать. Ну, хорошо, – он снова вздохнул. – Говори, коли так.

Кратко, сжато и как можно быстрее я изложил епископу суть дела, с которым ко мне явилась Верма Риксдорф. Он покивал.

– И что?

– В связи с этим я хотел просить направить меня с официальным визитом в Гевехт.

– Ты что, головой ударился, Мордимер? – Его Преосвященство даже не рассердился. Всего лишь удивился. – Думаешь, у меня нет больших проблем, чем стигматы какого-то засранчика? Если бы я по каждому из таких дел высылал инквизитора, мне бы потребовалась целая их армия.

Он задумался на миг, и я увидел, что одна только мысль об этом пришла ему по душе. Мне же – понравилась намного меньше, поскольку всякий отряд тем более ценен, чем более он элитарен. И пусть мы не элита в привычном смысле слова, но и инквизитором не может стать кто угодно. Есть в этом и свои минусы, ибо Писание гласит: *«Жатвы много, а делателей мало»*².

– Я бы лишь осмелился напомнить Вашему Преосвященству, что делом занялись инквизиторы из Клоппенбурга. Поэтому, быть может, оно несколько отличается от остальных.

– Ну да, – пробормотал он, а потом быстро глянул на меня. – Погоди, погоди, Мордимер, а у вас случайно нет этого проклятущего неписаного кодекса, который требует не совать нос в дела других инквизиторов, разве что вы получите официальное поручение?

Я промолчал, поскольку инквизиторский кодекс чести – не то, о чем я хотел бы и мог бы разговаривать с епископом.

– А ты, собственно, о таком поручении меня и просишь, – сказал он неторопливо. – В чем дело, Мордимер? Та женщина? Красивая?

– О, нет, – рассмеялся я искренне. – Напротив.

– Знаешь их семью?

– Нет, Ваше Преосвященство.

Герсард отпил глоток вина, скривился и постучал пальцами в перстнях по столешнице. Все это время он смотрел на меня.

– И отчего же ты хочешь поехать?

– Стигматы – чрезвычайно любопытное явление, Ваше Преосвященство. И как при любом чуде, здесь неизвестно, ближе оно к святости или к бесовщине. Признаюсь, это интересует меня как с сугубо теологической, так и с практической точек зрения. Ведь что есть свидетельство пробитых рук и ног нашего Господа? Грешное напоминание о минутах, когда Иисус был лишь слабым человеком, или же святой знак силы Христа, который до самого конца ждал, что преследователи узрят Его божественность и воздадут Ему должную хвалу? Христа, который пошел на муку, чтобы как можно дольше оставался у обидчиков шанс принять истину и искупить вину – пока не решил наконец во славе Своей сойти с Распятия, карая врагов огнем и мечом... – Я прервался, чтобы глотнуть воздуха.

– Ты мне тут не мели ерунды, Мордимер, – негромко сказал епископ. – Сколько у нас людей в Клоппенбурге?

– Если не ошибаюсь, трое, Ваше Преосвященство.

– Знаешь кого-то из них?

– Знаю, – осторожно ответил я, поскольку влияли мы в опасные воды.

– Ага. Старые счеты. Обиды, авантюры и ссоры. Хочешь отомстить коллеге, Мордимер, а? Очень, очень нехорошо, – рассмеялся он.

– Быстрота разума Вашего Преосвященства всегда меня смущала, – сказал я, склоняя голову. – Но заверяю вас, что это не единственный и даже не наиглавнейший повод.

Может, это и не был изысканный комплимент, но епископ широко усмехнулся.

– Потому что всех вас насквозь вижу, плуты, – сказал он добродушно. – Знаю как облупленных. Только с чего бы мне платить за твои развлечения? Не просветишь ли меня насчет этого, дорогой Мордимер?

² Мтф. 9:37.

– Из Клоппенбурга не сообщили о деле. Я проверил последние рапорты и не нашел там ничего ни о ребенке, ни о стигматах. А женщина утверждает, что инквизиторы занялись проблемой. И отчего же тогда не информировали Ваше Преосвященство?

– Нехорошо, – сказал он, и тон его мне крепко не понравился. – Балаган там у них в Клоппенбурге, а? Ну так навести их, Мордимер.

Он полез в ящик за бумагой, придвинул чернильницу с пером и чего-то там накорябал.

– Обратись за полномочиями и деньгами. Уж ты знаешь куда, – фыркнул коротким смешком. – С Богом, Мордимер.

Я встал и низко поклонился.

– Нижайше благодарю, Ваше Преосвященство.

Он лишь махнул рукою.

– Молись, чтобы молоко мне помогло, – буркнул и опорожнил бутылку вина в кубок. – Ну же, проваливай, Мордимер, и оставь меня в моих горестях.

* * *

Епископская канцелярия не славилась щедростью, и денег, которые получил ваш нижайший слуга, едва ли могло хватить на путешествие. К счастью, как и все инквизиторы, я имел право бесплатного ночлега и питания в каждом из отделений Инквизиториума, поэтому знал, что в Клоппенбурге не придется платить за постой.

Верма Риксдорф снова явилась через день после моего визита к Его Преосвященству. С покрасневшими глазами, с черными кругами под ними, выглядела еще хуже, чем в прошлый раз.

– У меня есть для тебя хорошие вести, – сказал я. – Его Преосвященство согласился на мое путешествие в Клоппенбург. Теперь нам предстоит решить вопрос гонорара...

– Если уж едете туда по служебной надобности... – Она опустила глаза и начала мять полы юбки, подол которой был щедро заляпан засохшей грязью.

– Могу ехать, но ведь совершенно не должен этого делать, – сказал я, погрешив против истины, поскольку теперь это стало официальным поручением и непросто было бы объяснить епископу, отчего я хочу отказаться от миссии, которую сам же и выпросил.

Но я намеревался вытянуть немного денег из вдовы купца Жилы: раз уж Верма Риксдорф владела богатством, отчего бы ей было не поделиться им со мною? Тем более сама она, судя по ее виду, довольствовалась малым.

– Хватит ли пятнадцати крон? – спросила несмело, все время не поднимая взгляда.

– Пятнадцать, – повторил я иронично. – И с кем ты, женщина, по-твоему, говоришь, а? С нищим? – я повысил голос. – Если хочешь моей помощи, это будет тебе стоить пятьсот крон. – Я внимательно глядел на нее, чтобы увидеть, как отреагирует на такую дурацкую сумму.

О чудо, на лице ее не дрогнул ни мускул. Может, нынче вела дела покойного мужа и привыкла к торгам?

– У меня столько нет, – ответила она еще тише. – И меня убеждали, что вы – рассудительный человек, мастер.

– Рассудительный человек любит, чтобы его работу хорошо оплачивали. Но коли нет – так нет. С Богом, Верма.

Ах, сколь унижительные разговоры приходится вести Божьему слуге, дабы обеспечить себя деньгами на мелкие расходы. Не буду, милые мои, вдаваться в подробности торгов с вдовой Риксдорф. В конце мы сошлись на сотне крон, поскольку она торговалась умело, а мне нужно было, во-первых, ехать в Клоппенбург, а во-вторых, вели меня туда как профессиональные интересы, так и мотивы, скажем так, личные. Там, в Клоппенбурге, я некогда гостил проездом и на ужине повстречал никого иного, как Витуса Майо, которого некогда звали Мясни-

ком. Он был главой местного Инквизиториума, что, по сути, означало ссылку: тяжело сделать карьеру в Клоппенбурге, равно как и обратить оттуда на себя внимание власть предержащих.

Кем был Витус Майо? Кошмаром учеников Академии, мои милые. Работая ассистентом наших учителей, отличался он небывалой жестокостью, необоснованной злобностью и удивительной глупостью. Использовал свое положение, чтобы унижать слабых и издеваться над младшими.

Поймите меня: Академия Инквизиториума – не то место, где впечатлительное дитя переживает эстетический и интеллектуальный подъем, а учителя не ходят там меж учениками, утирая их слезки да сопливые носики. Академия – это напряженное учение на грани человеческих возможностей, непрестанный труд от рассвета до заката и суровая дисциплина. Академия – школа жизни, но Майо учить нас не собирался. Он желал единственно потакать собственным прихотям, а прихоти эти чаще всего означали бесконечное издевательство. Майо не мог нас бить, поскольку право на это имели только инструкторы, да и то с согласия старших преподавателей (какое правило было, отмечу в скобках, очень предусмотрительным), но находил множество других способов, чтобы крепко наступить своим «любимчикам» на мозоли. А ваш нижайший слуга имел несчастье принадлежать именно к «любимчикам».

Все время обучения я мечтал, что когда стану выпускником Академии, то отойду с Витусом в уединенное место и там, при помощи кулаков или палки, научу его вежливости. Позже, под впечатлением некоего достойного сожаления происшествия, мои мечты лишь обострились. Но за несколько месяцев до экзамена мой преследователь был выслан в одно из провинциальных отделений. Ну а потом желание мстить сошло на нет, погребенное под ворохом текущих дел. Однако воспоминание о Витусе Майо, о его злобных свиных глазках, прыщавых щеках и длинных бледных пальцах, которыми обычно, сам того не замечая, он шевелил, словно душил или рвал кого-то, являлись ко мне в ночных кошмарах. Теперь мне представился случай отплатить за все. Как специальный посланник Его Преосвященства и лицензированный инквизитор Хез-хезрона, я обладал намного более высоким положением. А стало быть – правом руководить клоппенбургским Инквизиториумом – по крайней мере, в рамках полученного задания. Это означало много, милые мои. И я был уверен, что Витус сойдет с ума, когда увидит полномочия вашего нижайшего слуги.

Что ж, старая пословица гласит: *«Никогда не унижай того, кто ниже тебя, ибо неизвестно, не повстречаешь ли его, когда падешь»*. И скоро инквизитору Майо надлежало удостоверить в справедливости сих слов.

* * *

Из Хеза в Клоппенбург вел удобный, широкий тракт, вдоль которого было вдоволь трактиров, постоянных дворов и гостиниц. Тракт патрулировался епископскими юстициариями, а значит, был исключительно безопасным, даже как для околиц Хеза, которые принадлежали к наиболее спокойным местам в Империи. Меч справедливости епископа был остр и безжалостно обрушивался на выи всякой голытьбы – вагабондов, разбойников, грабителей и насильников, оттого купцов не поджидали никакие – ну, кроме платы пошлин – опасности. Забавно, что епископ, который столь прекрасно управлялся с поддержанием порядка в своих владениях, никак не мог ввести подобную дисциплину в самом Хезе, где от злодеев, бандитов, девок и шулеров просто не было проходу.

Клоппенбург оказался небольшим, но богатым городком. Во-первых, здесь сходились несколько торговых путей (поэтому город жил с пошлин и работы складов), а во-вторых, местные ремесленники специализировались на красильнях и в этой профессии не имели себе равных. Некогда даже существовали планы прорыть канал между Клоппенбургом и рекой, чтобы соединить его водным путем с Хезом и Тирианом. Сразу после последней войны с Палатиной

том к этой работе приставили несколько тысяч пленных, но когда исчерпался их запас, и сами планы опочили естественной смертью. Канал же быстро осыпался, заболотился и зарос. Вдобавок у местных он пользовался дурной славой: считалось, что сюда наведываются духи умерших пленников.

В Клоппенбург я въехал как раз перед полуднем. Снова был в официальных одеждах: черном кафтане с вышитым на груди сломанным серебряным распятием, черном плаще и шляпе с широкими полями. На тракте сразу делалось несколько свободней, а под клоппенбургские стены я подъехал уже словно по широкому коридору: люди у обочин, ожидавшие, пока их пропустят, стремительно расступались передо мной. Вот они, малые преимущества профессии инквизитора.

Городская стража, вооруженная окованными железом дубинами, уступала дорогу настолько же охотно, а их сержант даже склонился в низком поклоне.

– Если ваша вельможность позволит, – сказал он уважительным тоном, – покажу вам дорогу к Инквизиториуму.

– Она мне известна, – ответил я и кивнул ему.

Я действительно знал дорогу, а впрочем, почти в каждом городе представительство Инквизиториума строилось или на рынке, или поблизости, чаще всего неподалеку от ратуши. Наше отделение в Клоппенбурге не было исключением. Вот – кирпичное двухэтажное здание, окруженное стеной с острями поверху (как будто кому-нибудь взбрело бы в голову вламываться в Инквизиториум) и деревянными воротами, у которых стоял на посту городской стражник. Само подворье тоже было невелико. Росли на нем пара-тройка плодовых деревьев, а вдоль восточной части стены тянулись овощные грядки; там же притулился травяной огородик. К южной стене приткнулась конюшня. Ничего особенного, ничего оригинального.

Стражник, едва меня увидав, принялся отворять ворота, бормоча: «Уже, уже, ваша вельможность, прошу подождать, будьте так добры», – а я спокойно ждал, пока он управится с тяжелыми засовами. Когда же я заехал внутрь, ко мне тотчас бросился конюх и подхватил поводья.

– Прекрасный коник, ваша вельможность, – услышал я и вежливо кивнул.

В каждом из представительств Инквизиториума есть управляющий – тот, чьими обязанностями являются забота о земных, хозяйственных делах, а также встреча важных гостей. Здесь управляющий был низким плотным мужчиной с торчащими во все стороны вихрами седых волос. Одет он был в испятнанный кафтан, на руках – толстые садовые рукавицы. Полагаю, я оторвал его от ухода за травами или овощными грядками. Что ж, как видно, в провинции и жизнь шла тихо, неторопливо.

«Да-да, бедный Мордимер, – подумал я про себя, – пока остальные предаются прелестям провинциальной жизни, тебе приходится вдыхать смрадный воздух Хеза и сражаться со вшами и клопами в собственной комнате».

– Приветствую, мастер, – сказал управляющий и склонил голову. Не настолько низко, как стражники и простые слуги, но так, чтобы замереть в полной уважения позе. – Я Иоганн, а называюсь Травником. Моя задача – печься о хозяйстве святых мужей. Прошу внутрь.

– А застал ли я Витуса? – спросил я, думая, что сам не решился бы назвать моего коллегу по Академии святым мужем. – Или других братьев?

– Да, мастер. Они как раз закончили завтракать.

Был полдень, солнце стояло высоко, и время для завтрака было непривычное. Как видно, инквизиторам Клоппенбурга не приходилось жаловаться на чрезмерную загруженность делами. Я вошел в холодную темную прихожую, где пахло старым деревом, а Иоганн открыл передо мной дверь в трапезную. У полукруглого стола сидели все три клоппенбургских инквизитора, а на тарелках и мисках перед ними виднелись объедки.

Когда я появился на пороге, инквизиторы как раз подняли бокалы, намереваясь утолить свою жажду вином. Замерли на миг, а потом Витус Майо встал с кресла.

– Честной Мордимер! – крикнул он. – Как же я рад тебя видеть! – Его косящие свиньи глазки глядели слишком внимательно, а холод этого взгляда ни капли не соответствовал теплоте в голосе.

Я подошел к столу и сперва подал руку Витусу, а потом двум его коллегам. Были это молодые инквизиторы, полагаю, лишь пару лет назад покинувшие стены Академии. Первый представился Ноэлем Помгардом, а второй Эриком Хастелем. Я не знал их и никогда ранее о них не слышал. Ну что ж, может, и научатся в Клоппенбурге пить и жрать, однако я сомневался, что сумеют развить профессиональные умения. Хотя, с другой стороны, мы ведь знаем, что дьявол умудряется нанести удар из самого неожиданного места и в наименее ожидаемый миг. А мы, покорные слуги Божьи, созданы как раз для того, чтобы оказаться в должный час в должном месте и уберечь невинных овечек перед львом.

– Тоже чрезвычайно рад, – вежливо ответил я. – Хотя на сей раз я здесь не случайно.

Я отодвинул тарелки и миски, стараясь делать это не слишком вызывающе, и развернул на столешнице пергамент с полномочиями Его Преосвященства.

Витус осторожно, будто документ мог укусить, взял его в руки. Читал – и я заметил, что его обвисшие щеки покраснели.

– Что ж, Мордимер, – сказал он наконец, откладывая письмо с полномочиями на стол. – Мы к твоим услугам, согласно воле Его Преосвященства. И как же епископ себя чувствует, если мне позволено будет спросить?

– Господь благословил его приступами подагры, чтобы закалить несокрушимую волю, – ответил я, а Витус неторопливо кивнул.

Мне показалось, что на губах его появилось нечто схожее с улыбкой. Впрочем, и сам бы я наверняка рассмеялся, услышь собственные слова.

– Благословенны те, кого испытывает Господь, – сказал торжественно Витус, а молодые инквизиторы серьезно кивнули. Я же мысленно широко зевнул.

– Попробуешь ли нашего вина, Мордимер? – вежливо спросил Майо.

– Не откажусь, – я уселся за стол, а они, согласно обычаю, подождали миг и затем сели сами.

Витус подал мне бокал и осторожно налил темно-красного вина. Попробовав, я вздернул брови.

– Прекрасно.

– Из клоппенбургских виноделен, – пояснил Ноэль.

– Неужели? – удивился я снова, поскольку не помнил, чтобы вокруг Клоппенбурга были винодельни.

– Нам удалось вырастить лозу, более устойчивую к холодам и не требующую слишком яркого солнца, – сказал Витус. – Может, это вино не столь хорошо, как альгамбра, но зато, – поднял он палец, – очень дешево. Ах, дорогой Мордимер, хотя о радостях стола мы наверняка могли бы дискутировать днями напролет, ты ведь прибыл к нам не для этого. Не пожелаешь ли раскрыть нам цель своей миссии?

– Гевихт, – ответил я, глядя ему прямо в глаза, но он и бровью не повел.

– Гевихт? – повторил, будто впервые слышит это название. – И что ж такого в упомянутом Гевихте?

– Я полагал, что именно ты мне расскажешь, – ответил я спокойно.

Витус многозначительно глянул на двух своих помощников, будто ожидал от них ответа на некий совершенно бессмысленный вопрос. Ноэль только слегка пожал плечами, но Эрик всплеснул руками:

– Мордимер имеет в виду того мальчугана! – Того типа со стигматами, которого приходской священник показывал как местное чудо...

– Ах, да, – усмехнулся Витус, и мне представился случай заметить, насколько у него искренняя и обезоруживающая усмешка. – Дело давно закрыто, дорогой Мордимер, и, признаюсь честно, вы там у себя зря беспокоились. Но конечно, мы проверим все еще раз, если таково будет твое желание.

– Его Преосвященство будет настаивать на подробном и тщательном рапорте, – пояснил я, позволив прорезаться в голосе раздражению, чтобы они не сомневались: все это лишь каприз епископа, который ваш нижайший слуга должен исполнять противу собственной воли. – И чем быстрее мы направимся в Гевихт, тем лучше. Хочу поговорить с семьей мальчика, возможно, с приходским священником, ну и, конечно, с самим мальчиком. Скажем, завтра с самого утра.

– Как пожелаешь, Мордимер, – ответил Витус предельно вежливым тоном. – Ребенок просто болен редкой болезнью кожи, а священник попытался это использовать, чтобы несколько обогатить свою убогую парафию. Мы его предупредили и отослали подробный рапорт его руководству.

– Предупредили, – повторил я негромко, но выразительно, поскольку и за меньший грех священников лишали парафии, а то и отправляли в монастырь.

А попадись инквизитор слишком старательный – он мог бы начать официальное расследование с обвинением в ереси и закончить все костром. Даже принимая во внимание то, что священников не часто сжигали. Чрезвычайно редко – с точки зрения вашего нижайшего слуги, ибо слишком многие духовные лица искажали учение Христа. Впрочем, по моему мнению, иначе и быть не могло: наипервейшими паршивыми овцами оказываются те, кто носит сутаны. Уж поверьте мне, милые мои, нет более подлого создания, чем сельский или местечковый священник. Глупость, соединенная с алчностью и отвратительными поступками. А вдобавок к остальному злу – желание усмирять и унижать остальных да слишком высокое самомнение.

– Подобрел ты под старость, Витус, – сказал я без злобы в голосе, но щеки его залил кроваво-красный румянец. – Предоставьте же мне, будьте добры, всю документацию следствия, включая копию письма, отправленного церковным властям.

Я встал и допил вино.

– Замечательное, – похвалил снова. – И покажете ли мне комнату?

Витус дал знак Ноэлю, и тот поспешно встал.

– Прошу за мной, – сказал он вежливо. – Но прими во внимание – и прости нам – что особых удобств у нас нет...

– Ничего, – оборвал я его. – Хватит кровати, стола и лампы.

Комната, мне предназначенная, была маленькой, но чистенькой, к тому же обнаружилось в ней все, что могло понадобиться: кровать со свежей постелью, крепкий стол и резное кресло с высокой спинкой.

Ожидая, пока братья-инквизиторы приготовят все необходимые документы, я решил вздремнуть. Блаженной памяти Лонна – владелица одного из знаменитых домов утех в Хезе – всегда говорила, что у меня легкий сон и что сплю я сторожко, словно птица. Это правда.

Я проснулся еще до того, как услышал стук в дверь. Достаточно было тихих шагов по каменному полу.

Я сел на кровати.

– Прошу, – сказал вежливо.

Дверь отворилась, и внутрь вошел сам Витус. Не выслал ко мне одного из своих помощников, но лично обеспокоился. Крайне интересно, поскольку речь ведь шла всего лишь о том, чтобы принести документы.

– Надеюсь, ты отдохнул, дорогой Мордимер, – сказал он с широкой усмешкой.

Из-под пухлых губ показались кривые желтые лопаты зубов. Забавно, что и в Академии он усмехался так же – когда поймал моего пса. По крайней мере, мне именно так запомнилось: усмешка, которую я продолжал видеть все эти годы.

– Спасибо, – ответил я. – К счастью, дорога не была чрезмерно тяжелой.

Он положил на край стола ровную стопку листов.

– Вот документы, о которых ты просил. Но здесь немного, и ручаюсь, что никаких сенсаций ты не найдешь.

– Я тоже так думаю, – усмехнулся я. – Но что же делать: господин приказывает, слуга исполняет. Завидую вам: тут, в провинции, вы живете вдали от шума и интриг большого города.

Витус кивнул, а я был уверен, что он не верит ни единому моему слову. Впрочем, зря: я и вправду не любил Хез-хезрон. Это город суетливых тощих крыс, и я был одной из них. Спокойная жизнь в провинции, служба и собственный садик, ленивые полдни в компании друзей за чашей вина – такая жизнь не могла стать уделом бедного Мордимера. Я мысленно вздохнул, печалась о собственной судьбе, которая обделила меня малыми радостями и предуготовила жизнь, полную трудов в поте лица своего.

– Это правда, Мордимер, мы живем спокойно. Чтобы никому не мешать и смиренно блюсти свои обязанности.

Я даже не поднял взгляд. «Никому не мешать»? И это – слова инквизитора? Неужели он настолько утратил чувство самосохранения, что говорит мне подобные вещи?

– Конечно, Витус, – ответил я. – Все мы воистину люди доброго сердца.

Он зыркнул на меня тревожно, я же ответил взглядом спокойным и честным.

– Постараюсь как можно скорее завершить задание Его Преосвященства и вернуться с удовлетворительным рапортом, – добавил я. – Наверняка у меня будет несколько вопросов, связанных с документами, но полагаю, что поговорим мы об этом за завтраком.

– За завтраком или по дороге. Как пожелаешь.

Он легонько поправил пальцем бумаги, словно хотел подравнять их по краю столешницы. Потом кивнул мне и вышел из комнаты. Однако не прикрыл дверь, обернулся на пороге.

– Если захочешь выпить или чего-то съесть, можешь спуститься на кухню: в буфете найдешь все, что пожелаешь.

На этот раз он действительно ушел и затворил дверь. Мой Бог, как же меняются люди! Витус Майо заботится о том, чтобы я не проголодался и не испытывал жажды! Если бы мне сказали о таком в Академии, я бы рассмеялся. Да и теперь ситуация казалась мне чрезвычайно забавной. Подобного Витуса я не помнил – вежливого, ласкового и спокойного. Обычно он разговаривал на повышенных тонах и, когда волновался, давал петуха. Говорил неловко и прерывал собственные же тирады даже не смехом, а ржаньем или фырканьем.

А может, просто таким он мне запомнился? Может, неприязнь или, по правде говоря, ненависть к Витусу Майо исказила мои воспоминания – и я вижу прошлое словно в кривом зеркале? Жаль, что нет у меня способностей Курноса, которые позволяют ему запоминать все – до словечка – разговоры, которые случились хотя бы и годы назад. Я задумался на миг, что там подельывают Курнос и близнецы, но не жалел, что их сейчас нет рядом. Дело было деликатным, и я не думал, что многое зависело бы от применения силы (для чего создан Курнос) или от особых умений близнецов.

Я придвинул стул к столику и подкрутил фитиль в лампе. Обратился к документам, заполненным красивым каллиграфическим почерком. Правда, искусство разбирать даже самые ужасные каракули было одним из элементов моего обучения, но всегда лучше, если не приходится продирааться сквозь частокол абы как накорябанных букв. А вы не поверите, милые мои, сколь нечитаемы бывают порой протоколы допросов, особенно если судебный писарь во время их написания причащается винцом и водкой. Конечно, на инквизиторских допросах

редко допускают подобное нарушение закона, но у гродских судов³ иная точка зрения на соблюдение буквы права. Особенно учитывая, что городские писари часто не в состоянии выдержать допросы (в первую очередь те, что проводятся с участием палача) – и поэтому глушат совесть спиртным. И сие весьма странно, ибо разве может быть что-то правильнее участия в Божьем деле по обращению грешников?

Итак, из документов я узнал не много – разве что о бесспорной старательности их ведения. Вдова Хельга Вознитц с восьмилетним сыном Карлом жила в Гевихте и славилась безукоризненной репутацией. Жила скромно, но не бедно, на проценты от капитала умершего мужа, даже подарила мраморное распятие в восточный неф церкви в Гевихте. И подобной ерунды было полным-полно в рапорте клоппенбургского Инквизиториума. Конечно, упоминались и стигматы, но с приложением мнения двух медиков, где говорилось о редкой болезни кожи. Добавлены были и копии писем к епископу, которому был подотчетен приходской священник в Гевихте, – в письмах в крайне осмотрительных выражениях сообщалось о легкомысленном поведении ксендза, который слишком поспешно и без уведомления властей посчитал чудом происшествие, имевшее естественные причины. В конце говорилось, что мальчик излечен, а приходскому священнику назначено церковное покаяние. Однако его не только не сняли с должности, но даже не вызвали в епископство, а Инквизиториум не начал официального следствия, удовольствовавшись подготовительными процедурами.

В общем, все это было одним большим скандалом, хотя и весьма изобретательно прикрытым. Я прекрасно понимал, что если бы не донос вдовы Риксдорф, дело бы никогда не вышло на свет, ибо местные Инквизиториумы не обязаны информировать головную управу о предварительных следствиях – только и исключительно об открытых делах. Но того факта, что отказ от расследования был недопустимой ошибкой, это не меняло.

Ну, что ж, бедный Мордимер как раз прибыл вовремя и, как всегда, примется исправлять чьи-то ошибки.

* * *

Я не намеревался извещать о сделанных выводах ни Витуса, ни тем более его подопечных. На следующее утро сразу же после сытного завтрака мы двинулись в дорогу, и я сообщил только, что ознакомился с документами, и задал еще несколько несущественных вопросов. Если Витус был достаточно сообразителен, он не мог не понять, что над его головой собираются тучи. С другой стороны, всегда оставалась тень надежды, что в действительности я мечтаю как можно скорее покончить с формальностями да вернуться в Хез. И это было хорошо, поскольку человек нервничающий и не уверенный в том, как пойдут дела, обычно совершает множество ошибок. Я же намеревался безжалостно использовать ошибки Витуса, как и он некогда воспользовался моей слабостью. При чем той слабостью, стыдиться которой у меня не было причин, но о которой я совершенно зря дал знать, приумножив тем самым страдания того, кого хотел спасти любой ценой.

В дороге сопровождал нас лишь Ноэль Помгард, и многое указывало на то, что он-то, по крайней мере, слишком обеспокоен. Я распознал это по косым взглядам, которые Ноэль бросал на меня (когда думал, что я не вижу), и по полным тревоги и неуверенности ответам. Впрочем, я на него не давил. Если он что-то знает, раньше или позже поделится своими мыслями с вашим нижайшим слугой.

До Гевихта мы добрались к полудню. Был это маленький городок, выросший вокруг бедного рыночка, где плескалось в лужах несколько свиней. Грязный пес со свалявшейся шерстью

³ Гродский суд – судебный орган для расследования криминальных дел для мещан и крестьян; судебные функции исполнялись представителями местной администрации – воеводой или старостой.

и мутными глазами хрипло облаял нас, когда мы подъезжали к трактиру, подле которого была открытая коновязь. Я бросил узду мальчишке-конюху, одетому в рваную и заляпанную робу, а он застыл на месте, глядя с распахнутым ртом на сломанное распятие, что было вышито на моем кафтане.

– Пошевеливайся! – Ноэль ловко пнул его носком под зад, и парень аж крутанулся волчком.

– Вдова Возниц живет тут же, рядом с рынком, – объяснил Витус. – Пройдемся.

Я кивнул и соскочил с седла, стараясь не попасть в грязную лужу. Пареньку в рваной робе я сунул в ладонь полгрошика.

– Почисть лошадку – и получишь еще один.

– Негодник сделал бы это и даром. – Ноэль хотел ухватить его за ухо, но конюшонок сумел вывернуться. Молодой инквизитор недовольно нахмурился.

Мы оставили лошадей у ограды и перешли на северную сторону рынка. Витус вынул из сумки кусок мяса и кинул лающему псу. Зверь замолчал, недоверчиво глянул на мясо и быстро схватил его. Я удивился, поскольку не помнил, чтобы Витус любил зверей. Наоборот: в памяти моей осталось совершенно противоположное. Майо усмехнулся и указал на деревянный домик с кирпичным фундаментом и с крышей, неровно обитой позеленевшей жостью.

– Это здесь, – сказал он и громко постучал в дверь.

Я услышал шорох обуви, потом щелкнул замок. На пороге появилась не старая еще женщина с волосами, собранными в высокий узел. Была одета скромно, юбка ее носила следы штотки, а растоптанные боты наверняка помнили лучшие времена. Лицо и шея были в веснушках.

– Здравствуй, Хельга, – сказал Витус. – Позволь нам войти.

Женщина поглядела на меня и заметно побледнела, но послушно отступила с дороги. Жестом пригласила нас внутрь.

– Здравствуйте, ваши милости, – ответила она тихим голосом.

Я кивнул ей, а когда затворила двери, сказал:

– Мое имя Мордимер Маддердин, и я лицензированный инквизитор Его Преосвященства епископа Хез-хезрона. Прибыл, чтобы поговорить о вашем сыне.

– Прошу в дом, – произнесла она бесцветным голосом, и мы вошли за ней на кухню, где посредине стоял большой стол.

Я увидел раскатанное на пироги тесто и только теперь заметил, что руки Хельги Возниц перемазаны в муке.

– Это всего лишь формальность, – сказал я ласково. – Вам нечего бояться. Помните, что с нашей стороны вашему сыну ничего не грозит: мы желаем всего лишь разобраться, зачем местный священник выказал недопустимое легкомыслие и использовал ваше дитя.

Она почти рухнула на табурет, и я увидел на ее лице облегчение.

– Это хороший человек. Но он верил, что здесь, в Гевихте, случилось чудо.

Для малого городка чудо могло стать настоящей золотой жилой. Сам я знавал случаи, когда люди путешествовали на другой конец Империи, чтобы помолиться у пахнущих фиалками останков, или предпринимали паломничество лишь для того, чтобы дотронуться губами до мощей святого. Впрочем, в том последнем случае кость святого оказалась бычьим мослом, а владетель чудесных мощей попал в подвалы. И ему еще повезло, что избежал, во-первых, ярости толпы (ой, не любят люди, когда их обманывают!), а во-вторых, пыток и костра. Мошеники существовали всегда. Кто-то предьявлял перо из крыла архангела Гавриила, кто-то – кусок камня, на который ступил наш Господь, сходя с Креста своей Муки, а кто-то – и щепки от самого сломанного Распятия. Слышал я даже о негодях, показывавших бутылочку молока из груди Девы Марии и колючку из тернового венца Христа. Человеческая изобретательность не знает границ, как и всепобеждающая жажда сшибить грош у простецов. И несмотря на то,

что наказание за подделку реликвий было суровым, а обманутые мещане или селяне порой и сами отмеряли святотатцу справедливое наказание, зараза сия не отступала.

Мы сели за стол, и я осторожно коснулся плеча хозяйки.

– Расскажите мне обо всем.

А потом только слушал – и знаете, милые мои, какое странное было впечатление у вашего нижайшего слуги? Было оно таково, что Хельга Возниц говорит слишком складно, слишком последовательно и слишком логично. Словно бы некто подучил ее, что говорить. Конечно, я понимал, что сие впечатление могло происходить от моей достойной сожаления инквизиторской подозрительности, но с течением лет я научился дуть на воду и доверять собственной интуиции.

Я спокойно выслушал ее, но не узнал ничего, кроме того, что прочел уже в документах Инквизиториума. Заметил, что и Витус крайне внимательно прислушивается, а временами даже едва заметно кивает, будто вдова один в один озвучивала его мысли.

– Я хотел бы поговорить с мальчиком, – сказал я, а Хельга закусил губу.

– Конечно, ваша милость. Но пройдите наверх, поскольку мальчик прихворнул.

– Снова то же самое? Эта странная болезнь кожи? – в моем голосе не было и толики иронии.

– Нет, господин, – опустила голову Хельга. – Купался в реке, а было холодно...

– Обтирайте его водкой, поите горячим бульоном, и пусть лежит в тепле, – посоветовал я и встал. Инквизиторы поднялись вслед за мной. – Не стану причинять вам неудобство, – сказал я вежливо. – Вы ведь наверняка столько раз уже слышали одно и то же, – усмехнулся им.

Витус ответил усмешкой, но мне показалось, что это было лишь искривление губ, усмешку имитирующее.

– Конечно, Мордимер, – сказал он. – Мы подождем тебя здесь.

Вдова Возниц поднималась по лестнице первой, но трудно было не заметить, что женщина до предела взволнована. На втором этаже от узкого коридора отходили две пары дверей. Хозяйка нажала на ручку, и мы ступили в маленькую комнатку, где стояли лишь небольшая кровать, одноногий столик и конек-качалка с линялой гривой, сделанной из настоящего волоса. Мальчик, что лежал в постели, спал, щеки его покраснели. Я подошел и дотронулся ладонью до его лба. За спиной услышал тихий вздох.

– Вы должны проветривать комнату, – сказал я вполголоса. – Горячка вызывает дурные флюиды.

– Карл, – вдова Возниц легонько прикоснулась к плечу мальчишки. – Сынок, просыпайся.

Мальчик повернулся на бок и открыл глаза. Увидел меня и шарахнулся к стене.

– Не бойся, – успокоила его Хельга Возниц. – Его милость прибыл, чтоб тебя допросить...

Я поднял руку – и она замолчала на полуслове.

– Оставьте нас одних, прошу, – сказал я ласково, но твердо.

Мне показалось, что она хотела было возразить, но потом лишь вздохнула и вышла. Я обождал, пока закроется дверь. Услышал удаляющиеся шаги в коридоре, а потом скрип ступенек.

– Я инквизитор, дитя, – сказал я ласково. – Знаешь ли, чем занимаются инквизиторы?

Он молча кивнул.

– Скажешь мне?

– Хватают людей и жгут на кострах, – тихо ответил мальчик.

Я вздохнул. И отчего в нашей нелегкой работе даже дети видят лишь одно?.. Признаю, это наиболее зрелищный ее аспект, но все равно лишь один из многих – и притом, уж поверьте мне, не наиглавнейший.

– Нет, Карл, – ответил я и осторожно присел на краешек кровати. – Инквизитор, дитя мое, суть пастырь, который должен опекать беззащитное стадо. Стеречь его от хищников, от всех, кто хочет обидеть невинных овечек. И, мой мальчик, задача пастыря – проста. Он видит приближающегося волка и отгоняет его криком, огнем или шумом, а порой – травит собаками. Но что делать, когда волк не выглядит волком?

– Как это, господин?

– Что должен сделать пастырь, который знает, что волк умеет принять вид другой овечки? Или дерева? Или камня? Или еще хуже: сделать так, чтобы пастырю казалось, будто одна из овечек суть волк, – дабы пастырь напал на невинное существо в неразумном гневе? – Я хотел, чтобы он меня понял, и поэтому старался говорить медленно.

– А волки так могут? – спросил он, поразмыслив минутку.

– Обычные волки – нет. Но в мире есть много злых людей, которые получают радость от страданий других. Я же должен оборонять тех, кто не в силах защитить себя сам. Я прибыл сюда, поскольку мне сообщили, что, возможно, именно ты, Карл, нуждаешься в защите.

– Ага, – сказал он только и приподнялся на локте.

– Я кое-что тебе принес, – я сунул руку в карман плаща и вытащил деревянную лошадку, вырезанную столь мастерски, что могла она двигать головой, если щелкнуть ее по носу, и была раскрашена в черный цвет с белыми точечками на бабках.

Я протянул ему игрушку, а он принял ее после некоторого сомнения.

– Спасибо, – произнес мальчик, но я видел, что он по-прежнему напуган.

– Мало кто любит рассказывать о своих болезнях, дитя. Наверняка ты не знаешь, что епископ, который послал меня сюда, страдает от подагры – всякий день болят у него кости. Но он говорит о своей болезни и находит облегчение в том, что все ему соболезнают. Соболезнают и стараются помочь. Потому что, понимаешь, временами даже наисильнейшие и наиважнейшие люди должны искать помощи у других. Оттого я хотел бы, чтобы ты рассказал мне, что у тебя болит и чего ты боишься. А я постараюсь, чтобы никогда у тебя ничего не болело и чтобы ты ничего не боялся.

– У меня уже ничего не болит, – быстро проговорил он. – Кровь уже не течет.

– А болело?

Он закусил губу.

– У тебя ведь и вправду появлялись раны, да? – Я взял его за руку. – Здесь, – дотронулся до запястья. – И на ногах. Верно?

Он едва заметно кивнул.

– И лилась кровь со лба?

Снова кивнул.

– Священник говорил, что, может, я – святое дитя, – сказал он тихонько.

Я мысленно пришел в ужас. У местного прихода и вправду серьезные проблемы с деньгами, раз они решились на столь опасную игру. Поймите меня правильно: я верю в чудеса, поскольку часто был их свидетелем. Верю и в то, что Бог сумеет совершить все, что пожелает. Но всякое предсказание, всякое пророчество, всякое чудо должны быть тщательно проверены. Поскольку иначе могут оказаться оружием в руках Врага.

– И он показывал твои раны на мессах, верно?

– Я этого не хотел. – Его глаза налились слезами, а голос начал дрожать. – У меня все болело, а священник приказал...

– Тебя никто не обвиняет, дитя, – прервал я его. – Помни, я здесь не затем, чтобы наказывать или ругать. Сам епископ послал меня, чтобы я решил, не нужна ли тебе помощь.

– Сам епископ... – повторил он.

Я увидел, что губы его запеклись, поэтому подал кубок с водой и смотрел, как мальчик пьет. Когда он закончил, я отставил посуду на стол. Заметил, что мальчик уже не жмет к стене. Он уселся чуть свободней, а в руке сжимал игрушечную лошадку.

– И где у тебя болело сильнее всего? – спросил я.

– В боку, – ответил Карл, и я увидел, как глаза его внезапно расширились от страха. – Мне велели никому об этом не говорить, – закончил он с плачем.

Я положил ему ладонь на плечо и шепнул:

– Ну-ну-ну, нечего бояться. Чтобы я мог тебе помочь, ты должен рассказать мне все. У тебя ведь была еще и рана в боку?

Он кивнул, а я нахмурился. Я верно предощущал во всем этом мерзость, но не мог понять, как приходский священник и инквизиторы оказались настолько глупы, чтобы пытаться скрыть дело? Или это мать их упростила? Подкупила?

А может, они просто не хотели проблем, следствия и дознания? Ибо дело должно было стать объектом дознания. «Почему»? Ну, милые мои! На Господа нашего был надет терновый венец – и это первый стигмат. Потом гвоздями пробили Ему ладони – это второй стигмат. Прobili стопы – это стигмат третий. Но когда после долгих страданий солдат намерился ударить копьем, чтобы оборвать Его жизнь, – именно в тот миг Господь сошел с Распятия и в Славе Своей понес врагам веры сталь и пламя. Вот почему ни у кого не может быть четвертого стигмата – ведь бок Иисуса никогда не был уязвлен острием копья!

Конечно, ранее я слышал о таких делах, о подобных богохульных демонических стигматах. Слышал о еретиках, утверждавших, будто Иисус Христос умер на Распятии. Что ж, человеческое безумие и злая воля не знают пределов. Мало им исторических свидетельств? Записей самих Апостолов? Неужто кто-нибудь, будучи в здравом уме, усомнился бы в силе Иисуса? Лишь люди, околдованные Зверем, могли поверить, будто наш Бог в унижении и отчаянии умер на Кресте, приговоренный ничего не значащими ублюдками! В конце концов, не просто так, милые мои, символом нашей веры остается сломанное распятие, означающее триумф духа над материей и триумф добродетели над злом. Конечно, мы чтим также и знак обычного распятия, чтобы выказать почтение нашему Господу, Который добровольно обрек Себя на муку.

И теперь уже неважно, были у ребенка истинные ли, еретические ли стигматы – или же просто болезнь крови либо кожи. Важным был лишь один-единственный факт: инквизитор Витус Майо не обеспокоился составить рапорт о подобном происшествии, начать следствие и известить епископа.

Отчего он поступил именно так? Что ж, у него будет вдоволь времени, чтобы нам это пояснить.

– Не беспокойся, Карл. Все уже хорошо. Вы с мамой поедете с нами в Хез-хезрон, и тебя осмотрят лекари епископа. Увидишь большой город и дворцы... – усмехнулся я.

Я спросил себя, какова будет судьба мальчика и его матери. Что ж, займутся ими теологи, экзорцисты и лекари. В худшем случае дойдет черед и до инквизиторов.

Может, Хельге и Карлу удастся пережить встречу с епископом, но я не слишком на это надеялся. Если на теле мальчика действительно появятся богохульные стигматы (что означает – в нем поселился демон), в лучшем случае он до конца жизни останется заключен в монастыре.

На миг я задумался над силой Зла, которое осмеливается проникать даже в тела невинных детей. Задумался также над превратностями судьбы, которая вынудила Верму Риксдорф заплатить за то, чтобы принести несчастье в дом собственной сестры и племянника.

И задумался я над этим со всею серьезностью.

– Теперь спи, – сказал и погладил мальчика по голове.

* * *

Когда я спустился, за кухонным столом сидели только Витус и Ноэль, вдова же Возницт беспокойно металась у окна. Увидела меня и замерла.

– Все хорошо, – сказал ей успокаивающе. – Идите к ребенку.

Она почти взбежала по ступеням, а я подошел и уперся в столешницу и сказал:

– Витус Майо и Ноэль Помгард, я задерживаю вас до распоряжения Святого Официума. Вы обвиняетесь в укрывательстве свидетельств и подделке официальных протоколов. Отправитесь со мной к Его Преосвященству епископу Хез-хезрона, чтобы составить соответствующие признания перед полномочной комиссией Инквизиториума.

Ноэль Помгард даже не вздрогнул – я лишь заметил, как начали трястись его губы. А вот Майо отскочил к стене и положил ладонь на рукоять меча.

– Не ухудшай своего положения, Витус, – сказал я спокойно. – Отсюда уже некуда бежать. Меч полностью вышел из ножен.

– Убьешь меня? – спросил я. – Сомневаюсь. А если даже и сумеешь – неужели думаешь, что скроешься от нас? Что в мире сыщется место, где мы тебя не найдем?

Он громко сглотнул, потом выпустил рукоять.

– Это все чепуха, – сказал громко. – Я все могу объяснить.

– О, конечно, – ответил я. – И ручаюсь, что у тебя будет такая возможность. Ноэль, забери у него меч и отдай мне свое оружие.

Помгард вскочил – быстро и охотно. В который раз я удивился наивной вере людей, которые хватаются за первую же соломинку и даже в котле, наполненном грешниками, уповают на то, что им достанется роль надсмотрщика.

– Потом позови городскую стражу, – приказал я ему. – Скажи, что я принимаю власть над этим, – глянул я на Витуса, – гнездом богохульной ереси.

– Конечно, ваше достоинство, – Ноэль едва не захлебывался собственными словами. – Я ничего не знал, поверьте мне. Я – никто, меня даже не было при...

– Ноэль, – сказал я ласково и успокаивающе усмехнулся. – Верь мне, никто тебя ни в чем не обвинит.

«Поскольку, сын мой, еще немного – и ты сам себя во всем обвинишь», – добавил мысленно.

* * *

Я знал, что допросы пройдут в Хезе. Вдова Возницт вместе с сыном, священник и инквизиторы – все получили приказ немедленно выступать в Хез-хезрон, я же должен был проследить, чтобы путешествие прошло безопасно и чтобы, не дай бог, ни одна из овечек не погибла в дороге. Но не смог отказать себе в последнем разговоре с Витусом Майо. И не только из-за греховной моей любознательности, но также из чувства долга, требовавшего от меня собрать как можно больше сведений перед тем, как начать допросы в Хезе.

– Не объяснишь, отчего ты не написал рапорт?

Витус сидел на табурете, с руками, связанными за спиной. Был он старше меня и избалован бездеятельностью да благосостоянием, но я не намеревался рисковать. Не то чтобы хоть каким-то образом он мог мне угрожать. Это я не хотел нанести ему увечий, поскольку куда проще путешествовать со здоровым человеком.

– Я был обращен, – ответил он, глядя мне прямо в глаза.

– Ох, серьезные слова, Витус! А в какую веру, если позволено мне будет спросить?

– Веру в Иисуса Христа, – сказал он отчетливо.

– И почему же эта вера помешала тебе написать рапорт?

– Тогда бы вы обидели ребенка и его мать, – ответил он уверенно. – А у мальчика не только были свидетельствующие стигматы – он и говорил голосом Бога! И переживал страдания нашего Господа так, как сам Он некогда переживал их на Кресте. Ибо хворь его не для смерти, но для славы Божией!

– Говорил голосом Бога, – повторил я безо всякой иронии и насмешки. – И что же он такого говорил, Витус?

– *Я был убит, копьё пробило мой бок. Тем должен был дать вам искупление: моими страданиями и смертью. Но тогда пришел Зверь, и вошел в мертвое тело, и рана на боку затянулась. Зверь сломал Распятие, сойдя с огнем и железом в руках. И вместо царства любви и мира наступила власть Зверя,* – проговорил он, снова глядя мне прямо в глаза.

Я не отвел взгляд, а потом легонько кивнул.

– Витус, мой Витус. Ты и вправду уверовал, будто наш Господь мог умереть на Кресте? Позволить торжествовать язычникам и обречь своих верных на бесконечные преследования? Иисус до конца давал палачам шанс, до конца молил, чтобы пришли к нему, чтобы вкусили от плодов истинной веры. А когда остались слепы и глухи, сошел с Распятия, чтоб во Славе покарать их страданием. Вот единственная и истинная правда. Как ты мог поверить демону, говорившему устами несчастного ребенка? Ты, инквизитор?

– Я уверовал, – сказал он, не отводя взгляда, а в голосе его было некое непривычное достоинство, столь не сочетавшееся с тем Витусом, которого я знал по Академии. – Верую, что Господь наш умер в муках, дабы, пожертвовав Своею жизнью, омыть нас от греха. И вскоре восстанет из мертвых, а тот мальчик говорит устами Иисуса и скажет нам, что делать!

– Ты сошел с ума, Витус. – Я покачал головой, ибо не испытывал удовлетворения от того, что мой старый враг собственными словами вверг себя в такие бездны, как никто из инквизиторов прежде. – Сошел с ума или зачарован. Я буду за тебя молиться.

С внезапной презрительностью он рывкнул:

– Не нужно мне твоих молитв. Мой Бог – со мною!

– Тот, который умер? – рассмеялся я. – Как видно, не был он столь уж силен, если не сумел позаботиться даже о самом себе. Есть лишь один Бог, Витус, – тот, молитвам к которому нас учат. Не помнишь разве слов: «*Мучим при Понтии Пилате, распят, сошел с распятия, во славе принес слово и меч своему народу*»?⁴

– Он воскреснет, – сказал Майо с верой в голосе. Его глаза блеснули безумием, и я знал, что не сумею его переубедить. Впрочем, это и не было моей задачей.

– Нет, – ответил я. – Зато ты осознаешь свои заблуждения...

Он покачал головой. Губы стиснуты, на лице – упрямство.

– Дай мне закончить, – поднял я руку. – Скажи мне, видел ли ты когда-нибудь плод кокоса? Коричневый, продолговатый, в твердой скорлупе, растет на юге...

Он кивнул, но явно не понимал, зачем я задаю такие вопросы и к чему веду.

– Внутри той твердой скорлупы – бесцветная жидкость, часто горькая, а то и гнилая. Но туземцы разрубают плод, выливают сок и очищают скорлупу. А потом вливают в нее вино либо воду и используют так, как мы – кубки, – я усмехнулся. – Ты – такой вот гнилой кокос, Витус. Но поверь мне, что наполним мы тебя родниковой водой чистой веры.

Витус вздрогнул, а в его глазах впервые мелькнул страх. Был он инквизитором, поэтому знал, что будет так, как говорю. Его прежние братья смиренно и с любовью растолкуют ему все ошибки, чтобы умирал, преисполненный славы Господней. С искренним сожалением, что некогда оступился и с презрением к себе когдатошнему – тому, кто сошел с прямой тропы

⁴ В нашей реальности этот фрагмент *Credo* звучит следующим образом: «Который пострадал при Понтии Пилате, был распят, умер и погребен; сошел в ад, на третий день воскрес из мертвых».

веры. Немногое тогда останется от грешного тела, но мы спасем его душу, чтобы вечно могла радоваться у небесного престола Господня.

– Зачем ты делаешь это со мной, Мордимер? – спросил он горько после минуты молчания, но я все еще видел страх в его глазах. – Зачем ты вообще сюда приехал? Так сильно жаждешь отомстить за ошибки моей молодости? За ошибки, о которых и нынче жалею и за которые по сей день прошу прощения у Господа?

Я взглянул ему прямо в глаза.

– Моя собака, – сказал и увидел, что он не понимает или, скорее, не помнит, о чем говорю.

От этого сделалось еще больнее, поскольку выходило, что мое страдание – лишь ничего не значащий случай в его жизни.

– Я нашел бездомного пса, – продолжил я спокойно. – Лечил и откармливал. А ты нашел его и сжег, показывая нам, как следует подкладывать дрова, чтобы жертва не умерла слишком быстро.

В его глазах мелькнуло что-то вроде понимания.

– Ты сдурел, Мордимер? – спросил он тихо. – Думаешь о собаке из своего детства? Ты, который замучил или приказать убить людей больше, чем в силах вспомнить?

– Это крест, который несусь я во славу Господа, – сказал я. – Но я никогда не убивал ради развлечения. Никогда не причинял страданий без должной причины. В чем провинился перед тобой тот пес, который любил меня, Витус? Ты завязал ему пасть веревкой, чтобы он не мог выть, но я видел, как он плачет, когда глядит на меня, не понимая, отчего я не спасаю его от боли.

Он дернулся к стене вместе со стулом, на котором сидел, но это было впустую. Я не собирался его бить, хотя когда-то лишь об этом и мечтал.

Я ухватился правой рукой за запястье левой, чтобы он не видел, как трясутся у меня руки.

– Это было так давно, – сказал Витус. – Словно в другой жизни.

– В саду своей памяти я ухаживаю за разными цветами. А размер наказания никогда не будет зависеть от времени, которое прошло после совершения преступления; не будет зависеть также и от позднейших поступков грешника.

– Преступления? – почти провыл он. – Это была всего лишь собака!

Я кивнул, поскольку и не думал, что он сумеет понять.

– Что ж, видимо, я невыносимо сентиментален, – ответил и вышел к страже, чтобы забрали его.

Я же знал, что теперь могу уже позабыть, а из сада моей памяти исчезнет мрачный цветок, который так долго там рос.

Эпилог

Верма Риксдорф вздрогнула, напуганная, когда увидела, что я сижу на ее постели в ее спальне. Я усмехнулся одними губами.

– Не нужно кричать. Я пришел лишь для короткого и совершенно приватного разговора.

– Я ведь заплатила вам, сколько хотели, – напомнила она негромко.

– Закрой дверь.

Выглядела она точно так же серенько и бесцветно, как и во время первой встречи. Серые редкие волосы были собраны в высокий узел. Я отметил, как дрожат ее плечи. Это хорошо. В обществе инквизитора люди не должны быть высокомерны и уверены в себе.

– Чем же я могу вам служить? – спросила она, и оказалось, что голос ее тоже дрожит.

– Информация, – ответил я. – Простая, ясная и честная информация.

Верма Риксдорф присела на табурет, осторожно, будто полагала, что вот-вот придется бежать отсюда сломя голову. Совершенно зря: во-первых, бежать ей было некуда, а во-вторых, я действительно не собирался ее обижать.

– Слушаю вас...

– Люди часто приходят ко мне за помощью, – сказал я. – Но редко хотят, чтобы я занялся инквизиторским расследованием. Особенно когда дело касается их родных. И знаешь почему, Верма?

Она покачала головой, все время глядя на носки изношенных ботов.

– Потому что инквизитор не должен отступать, столкнувшись с ересью. Независимо от того, кто его нанял. Ведь не нанимают пожарного, чтобы тот воспевал пожары, верно?

Она подняла взгляд, но по-прежнему не глядела мне в глаза – задержала его где-то на высоте пряжки моего пояса. Кулаки сжала так сильно, что побелели косточки пальцев.

– И знаешь, Верма, не только это удивило меня в задании, с которым ты ко мне пришла. Уже в Гевихте я понял, что местные инквизиторы не жаждут выяснять суть дела и вообще расследовать его. Совсем напротив: все желают спустить на тормозах. И было непонятно: то ли ты желала, чтобы я отправился в Гевихт пожар гасить, то ли – разжигать.

– Я не нарушила закон, – почти крикнула она. – Вы ничего не можете мне сделать!

– Это правда, – сказал я, хотя был это ответ лишь на первую половину ее утверждения. – Ты оказалась доброй христианкой, и твой донос послужил нашему Господу и нашей Церкви. Но не хочешь ли ты меня просветить? Не хочешь ли сказать мне, зачем донесла на сестру и племянника? Для следствия это не имеет ни малейшего значения, так что считай это частным любопытством инквизитора.

Теперь она подняла взгляд и смотрела прямо мне в лицо. Были у нее красивые зеленые глаза – единственная красивая черта в ее облике.

– А Писание не говорит ли случайно: *«Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня»*⁵? – спросила она, и мне не понравилась насмешка, которую я услышал в ее голосе.

– Какую обиду она тебе причинила, а, Верма? – спросил я, игнорируя ее слова. – Чем заслужила такую судьбу?

– Забрала у меня суженого, родила ребенка... – выдавила она из себя наконец и вцепилась пальцами в край табурета. – А я была бесплодна, инквизитор. Поэтому мой муж волочился по борделям, называл меня бесплодной сукой. А у нее было все... у нее был ребенок... а женщина... женщина... – Так и не договорила – тяжело дышала, лицо ее превратилось в отвратительную маску. – ...Женщина без ребенка – лишь насмешка...

Я покивал, потому что наконец понял. И то хорошо, что дело не в золотом колечке или оброненном в детстве ругательстве. Потому что и такие вещи люди умудряются запомнить, и по таким причинам порой доносят на своих родных в Инквизиториум.

Но в этом случае, слава Богу, даже грех зависти дал прекрасный урожай.

– Понимаете меня? Понимаете?

Я кивнул. Я понимал ее, а она, подобно всякому грешнику, искала именно понимания. Но это не означало, что я оставлю дело так, как оно завершилось. Коль была она орудием в руках Господа, Господь всегда найдет способ ей помочь. Я же – не намеревался.

– Спасибо за объяснение, Верма. И еще. Такой поступок, как твой, не должен остаться без награды. Может, сама того не желая, но ты все же остановила зло. Твоя семья, соседи, друзья будут горды, что, оказавшись перед лицом непростого выбора, ты сделала его в пользу принципов нашей веры и лояльности к Церкви, а не таких приземленных обстоятельств, как семейные связи. Благодарю тебя от имени Святого Официума.

⁵ Мтф. 10:37.

Я встал и легко поклонился:

– До свидания, Верма Риксдорф. Добрых тебе снов.

– Зачем?! – вскрикнула она. – Зачем вы так со мной поступаете? Я была полезным оружием!

– Верно, – ответил я. – Но плачет ли землекоп над сломанной лопатой? Не та, так другая...

Я попрощался с ней вежливым кивком и ушел. Из спальни доносились лишь приглушенные рыдания, но я подозревал, что Верма Риксдорф жалеет не о своих ошибках – но лишь об их последствиях. О молчании узревших ее соседей, о вылитых на голову нечистотах, когда станет проходить под окнами, о плевках под ноги и негромких проклятиях. Вы и не знаете, милые мои, сколь велика боль от презрения, особенно когда еще недавно ты был уважаемым человеком. А женщина, которая выдала инквизиторам сестру и ее малого сына, не вызовет одобрения соседей. Конечно, печально, что наибольшей угрозой для доносящих нам остается возможность раскрытия их личности.

Что же, мир несовершенен; а как было бы славно, если бы всякий уважающий себя человек полагал сотрудничество со Святым Официумом поводом для гордости...

Не мог я также сдержаться от чувства отвращения к вдове Риксдорф. Когда бы стремилась она к справедливости, наставленная святыми заповедями веры и ведомая набожной тревогой! Так ведь нет, жаждала лишь мести тому, кто перед ней совершенно не провинился. Была жалким червем, и я мог ее, словно червя, растоптать. Но знал: было бы это не просто неправильно с точки зрения закона (на что я, конечно, не слишком-то обращал внимание), но оказалось бы слишком большой милостью для нее.

Господь же сотворил меня, чтобы я расточал не милость – лишь справедливость. Что я и старался делать в меру своих возможностей, преисполненный покорностью и страхом Божиим.

Молот ведьм

Судите других по справедливости и без страха. Но помните, каким судом судите – таким будете судимы; и какой мерою мерите, – такою и вам будут мерить⁶.

Евангелие от Матфея

Меня пригласили на повешение, и было не отказаться, хотя, как понимаете, вашего нижайшего слугу не слишком веселят подобные развлечения. Такое зрелище годится для городской черни, но не для людей моего склада – тех, кто в муках ближнего своего видит лишь путь ко спасению, а не грешное развлечение. Но бургграф Линде очень радовался новому эшафоту и новой виселице, и, кроме того, после должен был состояться пир. А еще я слышал, что обещали присутствие палача из Альтенбурга, златорукого таланта, который-де умел столь хитро завязать петлю на шее осужденного, что тот дергался в конвульсиях еще несколько часов.

– Устрашающий пример, мастер, – бургграф Линде вознес толстый палец с кольцом. – Я всегда говорил: нет ничего лучше устрашающего примера. Только это может научить голытьбу уважать закон.

– Наверняка вы правы, ваша милость, – ответил я вежливо и угостился напитком, который бургграф великодушно плеснул в мой бокал. – И какова же вина обреченного, если мне позволено будет полюбопытствовать?

Бургграф застыл с пальцем у щеки, а потом повернулся к своему помощнику, высокому дворянину с орлиным носом и лицом, напоминавшим лезвие топора.

– Шпрингер, а за что мы его, собственно, вешаем?

– Три изнасилования и убийства девиц из достойных семей, – подсказал дворянин.

– О, точно, – хлопнул в ладоши бургграф. – Насильники и убийцы нам не нужны. Хотя насчет девства тех изнасилованных я бы не поручился, – засмеялся он.

– Чем дольше живу, тем слабее моя память, – признался я смиренно. – Но разве наказание за изнасилование и убийство – не кастрация и четвертование, каковое из милости может быть заменено на ломание коленей?

– Вообще-то – да, – ответил Линде. – И я с удовлетворением отмечаю, дорогой мастер, что память у вас крепка, как и прежде. Но если бы мы его покалечили, как тогда палач продемонстрировал бы нам свой талант вздергивать на виселице?

– Несколько часов конвульсий – такого я не видел, – покачал головой Шпрингер. – Мне и верить неохота, что это возможно. А вы как полагаете, мастер?

Глядеть на конвульсии обреченного не казалось мне чрезвычайно интересным развлечением, но я понимал, что в провинции даже люди благородного происхождения и облеченные властью жаждут зрелищ.

– Полагаю, все дело в соответствующей подготовке, веревочном узле и в том, чтобы крайне аккуратно убрать подпорку. Если бы ваша милость, – обратился я к бургграфу, – приказали обустроить на эшафоте люк, даже самый умелый палач ничего не смог бы сделать, ибо падение с высоты мгновенно влечет за собой перелом шеи.

– Вот поэтому у нас и нет люка, – с удовлетворением засмеялся Линде, и его обвисшие щеки заколыхались.

Бургграфа Линде я знал уже много лет. А с тех пор, как я спас его родственницу от костра (притом – совершенно справедливо и в соответствии с законом, ибо была она облыжно

⁶ Измененная цитата из Мтф. 7:1–2 (канонический текст начинается: «*Не судите, да не судимы будете; ибо каким судом...*»)

обвинена соседями), – с тех пор бургграф одарял меня особой симпатией и, когда мне приходилось проезжать через Биарритц, которым он издавна правил, всегда тепло меня принимал. Линде был честным, искренним человеком с грубоватыми манерами и простыми вкусами. Но его туша и широкая усмешка на толстых губах обманули не одного человека. Бургграф правил Биарритцем железной рукою, а преступники здесь быстро заканчивали жизнь на виселице, эшафоте или гнили в глубоких подвалах под замком. Гнили, кстати, тоже недолго, ибо бургграф никогда не скрывал, что траты на содержание заключенных он полагает неправомерно расточительной графой в расходах городской казны.

«Никто никого не заставляет нарушать закон», – повторял он, и трудно было отказать ему в справедливости этих слов.

– До самого конца, сукин сын, не признавался, – просопел Шпрингер из-за спины бургграфа. – А потом палач взял и разложил инструменты...

– Признание, признание, – Линде взмахнул рукою. – Мастер Маддердин и сам знает, насколько слаб этот довод.

– Правда, – согласился я и отпил из бокала. Вино, на мой вкус, было несколько сладковатым. – Куда большее значение имеют показания свидетелей и вещественные доказательства, ибо, если допрашивающий захочет, пытаемый признается даже в том, что он – зеленый осел в оранжевую крапинку.

– Вот-вот! – Бургграф снова плеснул в ладони – но осторожно, поскольку ему мешали перстни. – Святая правда, мастер Маддердин. «Зеленый осел», – фыркнул он. – Уж вы как скажете...

Бургграф тяжело поднялся с кресла, ухватившись за обтянутый бархатом поручень.

– Эх, молодежь, – сказал, – хорошо вам. А мне бы немного поспать перед нынешним праздничком, ибо после обеда на меня всегда нападает охота вздремнуть.

– И это куда как хорошо для здоровья, – поддержал я его.

– Может, и хорошо, Мордимер, может, и хорошо, – вздохнул бургграф. – Но раньше я мог три дня пить, на четвертый ехал охотиться и возвращался со знатной добычей. А теперь? Бокал-другой винца – и меня тянет на боковую. – Он помахал нам рукою на прощание и колышающейся утиной походочкой направился к дверям.

Я заметил, что на сиденье осталось мокрое пятно. Что же он, непроизвольно обмочился? Если да, то и вправду с ним не все ладно.

Шпрингер заметил мой взгляд.

– Болеет, – пояснил негромко, – а врачей считает карой Божьей. Может, хоть вы его переубедите, мастер? Даже пиявок не дает себе поставить, а ведь пиявки вытягивают дурную кровь.

Распространенное мнение о действенности лечения пиявками было изрядно преувеличенным, однако мне не приходилось слышать, чтобы таковое лечение хоть кому-то навредило. Понятное дело, если прибегать к нему с умом. Поэтому я лишь кивнул и пообещал:

– Постараюсь.

Шпрингер уселся на сухую часть кресла, покинутого бургграфом, и засмотрелся на дерево, что росло за каменной балюстрадой.

– Вы слышали, что есть те, кто говорит, будто никто и ни при каких обстоятельствах не должен убивать другого человека? Верите, что когда-либо, через много-много веков, никого не будут казнить?

– Верю, – ответил я после короткого раздумья. – Но только в исключительных обстоятельствах, когда в крае или провинции будет не хватать работников. Некогда я путешествовал по имперскому пограничью, там местные судьи никого не приговаривают к смерти, только к рабству. Жизнь и труд людей в тех краях слишком ценны, чтобы бессмысленно их расточать.

Но мы, – усмехнулся я, – пока можем себе это позволить. Таких вот людишек у нас еще предостаточно.

– Верно, предостаточно. Даже я бы сказал: изрядный урожай. Пригодилась бы, что ли, какая-никакая война или что...

– И вырезать их к песьей бабушке, – бросил я полушутя-полусерьезно и сплюнул за балюстраду.

– Говорят, император поведет армию на Палатинат, – сказал он. – Полагаете, это правда?

Ваш нижайший слуга не плавал в столь глубоких водах политики, но трудно было не знать, что молодой, едва-едва коронованный властитель грезит военной славой. А война с еретическим Палатинатом была чрезвычайно притягательна, поскольку, во-первых, принятая там вера была отвратительна, во-вторых, в тамошних богатых городах ожидала изрядная добыча. Но палатин Дюваррье не был ни глупцом, ни трусом: он превратил свои земли в одну большую крепость, вооружил и обучил городскую милицию... Пожалуй, только наши феодалы все еще не верили, что городская голытьба сумеет противостоять тяжеловооруженному рыцарству. Я же позволял себе иметь несколько отличное мнение по этому вопросу, но не спешил делиться им с окружающими.

– Кто знает? – ответил я. – Может, и вправду пришло время нести пламень истинной, святой веры...

– Ну-у... – произнес Шпрингер, и трудно было не услышать сомнение в его голосе.

Я мысленно усмехнулся. Советник Линде был рассудительным и опытным человеком. Ему было доподлинно известно, что пламень веры всегда связан с неудобствами и опасностью лишиться жизни. Особенно когда речь о том, чтобы поджечь тем пламенем владения кого-то вроде Дюваррье, не склонного к шуткам и слишком серьезно относящегося к еретической своей вере. В общем-то, в Палатинате тоже сжигали еретиков и ведьм, точно так же, как и у нас, только этим занимались не выученные инквизиторы, но ловцы ведьм. И сообщество сие, говоря откровенно, было чрезвычайно подлое.

– Если позволите, пойду подремлю часок, – сказал я, поднимаясь. – А то ведь, зная господина бургграфа, стоит поберечь силы для вечера.

Шпрингер лукаво рассмеялся.

– О, да. Будут сражения борцов и травля медведя псами. А еще нам споет сама Златовласая Рита – она как раз путешествует в Хез и задержалась в Биарритце на несколько ночей...

– Просветите меня, пожалуйста, – прервал я его.

– Златовласая Рита, – повторил он удивленно. – Вы не слышали, мастер? Баллады о прекрасной Изольде? Это ведь она – автор!

– Саму балладу я слышал. Но имя автора как-то выпало из памяти.

– Ну так будет повод с ней познакомиться, – подморгнул он заговорщицки. – А там есть на чем отдохнуть глазу. Да сами увидите.

* * *

Толпа собралась на площади еще с полудня, а городская стража охраняла подступы к эшафоту и виселице. Все больше жаждущих зрелища горожан приходилось отгонять палками, но толпа не была агрессивной – лишь преисполненной энтузиазма, подкрепленного немалым количеством вина и пива.

Шпрингер не погрешил против истины: Рита и вправду была прекрасна. И неудивительно, что прозывалась Златовласой: ее светлые густые косы, сейчас умело уложенные, спадали почти до пояса. Одета она была в зеленое шелковое платье с высоким воротом, а в ложбинке меж высокими грудью блестел скромный кулон с небольшим рубином. Рита была очень высока, почти с меня ростом, но – вот странно – производила впечатление хрупкой и изящной.

На алебастрово-светлом лице – глаза цвета хмурого неба. Смотрели они умно и внимательно. Наверняка Рита была шпионкой, и, принимая во внимание ее красоту, шпионкой умелой. Мне вот только было интересно, задержалась ли она в Биарритце случайно или исполняла здесь некую миссию. Впрочем, скорее – первое, поскольку непросто было вообразить, что сей город для кого-то столь важен, чтобы посылать сюда эту сияющую красу. А кому служила? Бог мой, да наверняка любому, кто мог хорошо заплатить.

Бургграф лично выложил для нее сиденье шелковыми подушками и придержал под локоток, когда усаживалась. Рита лучисто усмехнулась ему. И нужно признать, улыбка ее была прекрасной, под стать ей самой, зубы же – белыми и ровнехонькими.

– Начинаем, – хлопнул в ладони Линде и подал знак трубачам.

Тревожный звук труб заставил толпу притихнуть. Помощник палача сорвал темную ткань, что до поры скрывала осужденного. Чернь завывала, а стражники у помоста сомкнули ряды.

Преступник поднялся с досок эшафота. Был он высоким плечистым мужчиной со смуглым лицом и седоватыми длинными волосами. Сейчас из одежды на нем оставался лишь серый покаянный мешок с отверстиями для рук и головы.

– Достойный бургграф и вы, благородные горожане, – громко произнес преступник, поскольку имел право последнего слова. – Я весьма сожалею вместе со всеми вами о смерти трех женщин из Биарритца...

Его прервал неблагосклонный вой толпы, а рядом с виском пролетел камень. Но от следующего преступник не сумел уклониться, получил удар в лоб и пал на колени, протягивая руки к людям, словно моля о милостыне. Один из солдат тотчас подскочил и заслонил его щитом. Стражники начали проталкиваться к негодяю, кинувшему камень. Часть людей кричала, чтобы убегал, кое-кто пытался его схватить, а все вместе это вызвало замешательство и суматоху.

Бургграф фыркнул, в раздражении разводя руки:

– Вот всегда так, – пожаловался. – И не лучше ли было сделать все в спокойствии, смирно и с уважением? Как думаете, мастер?

– Наверняка лучше, – засмеялся я. – Но толпа – лишь толпа. Сейчас успокоится.

Ведь люди ждали зрелища, а всякое замешательство оттягивало финальное развлечение.

– «Мастер»? – переспросила Рита, склоняясь ко мне. – А можно ль спросить, отчего уважаемый бургграф вас так называет?

Вопрос был по существу, ибо в Биарритце я не носил официальной одежды – черного кафтана с вышитым на нем серебряным сломанным распятием, – но одевался как обычный мещанин.

– Так ведь Мордимер суть мастер веры и справедливости, знаток человеческих сомнений, – ответил вместо меня бургграф с избыточным, как на мой вкус, пафосом.

Я склонил голову:

– Всего лишь покорный слуга Господа.

– Ин-кви-зи-тор, – догадалась Рита. – Но ведь вы в Биарритце не по службе, верно?

– Боже упаси, – снова отозвался бургграф. – Он мой друг и милый сердцу гость.

Я снова склонил голову и ответил:

– Это честь для меня, ваша милость.

Тем временем толпа уже успокоилась, а негодяя, который кидал камни, схватили и оттащили в сторону. Насколько я знал бургграфа, будет он столь сурово наказан, что после дважды подумает, прежде чем снова нарушать порядок.

Осужденный поднялся с колен. Лицо его было в крови – он пытался стереть ее рукою, но кровь все текла из рассеченного лба.

– Бог свидетель, я не виновен в тех преступлениях, – крикнул он. – Смилуйтесь, господин бургграф, во имя Божье. Смилуйтесь! – протянул руки к ложе, в которой мы сидели.

Бургграф оперся о поручни кресла и с трудом поднялся на ноги.

– Верши свою повинность, пыточный мастер, – произнес он установленную формулу, будто и не слышал мольбы осужденного.

Обрадованная толпа завывала, а осужденный снова пал на колени и спрятал лицо в ладонях. Меж пальцев текли ручейки крови. Помощники палача взяли его под руки и подвели к самой петле. Да только на помосте все еще не было палача!

– Теперь смотрите, – сказал бургграф довольным тоном.

Снова зазвучали трубы, доски эшафота раздвинулись, и наверх выехал палач в кроваво-красной рубахе. Толпа, ошеломленная, удивленная и обрадованная неожиданным явлением, завывала во все горло. Раздались стук каблуков и свист.

– Поздравляю, бургграф, – сказал я. – Чрезвычайно достойный эффект.

Линде аж засветился и глянул на Риту, проверяя, благосклонно ли та отнеслась к действию, но прекрасная певица сидела с милой, отрешенной улыбкой.

Палач из Альтенбурга не был – что еще сильнее удивило присутствующих – в капюшоне, закрывавшем лицо. Видно, мало заботился об анонимности, а может, любил, когда дивились его красоте. Ибо, хоть ваш нижайший слуга и не знаток мужских статей, но подозревал, что палач по нраву женской половине общества. Его светлые волосы развевались на ветру, а на лице застыло выражение воодушевления. Полагаю, он мог бы добиться успеха как модель для скульптора или художника, но выбрал иной путь. И казалось мне, что не слишком долго будет по нему идти, ведь анонимность палачей не чья-то прихоть, но – защита от мести семей и друзей пытаемых да казненных.

Палач подошел к преступнику, положил руку ему на плечо и что-то прошептал в самое ухо. Скорее всего, просил о прощении, как и следует, согласно обычаю, но осужденный лишь тряхнул головой в немом протесте. Возмущенная толпа враждебно загудела. Палач развел руками и усмехнулся. Это несколько испортило эффект, поскольку даже с такого расстояния я заметил, что зубы у него неровные и почерневшие, с дырой на месте левого верхнего резца.

На эшафот взобрался худой монах с выбритой тонзурой и оперся на плечи осужденного. Я видел, что молится, поскольку губы его беззвучно шевелились. Потом монах перекрестил преступника и сошел с помоста.

Помощники связали осужденному руки за спиной, после чего приволокли к петле низкий широкий табурет и помогли преступнику на него встать. Тот, казалось, окончательно смирился с судьбой, но помощники палача были явно начеку. По прежнему опыту наверняка знали, что человек перед лицом смерти способен проявить неожиданное и сильное сопротивление. А кажущаяся пассивность – превратиться в отчаянную, безумную ярость.

Однако сейчас ничего не сулило сложностей. Осужденный позволил накинуть себе на шею петлю (палач скрупулезно изучил веревку, едва ли не с лаской дотрагиваясь до каждого волоконца) – и стоял теперь, готовый ко всему, с головой, откинутой назад.

– Готов поспорить, что он умрет до заката, – сказал Шпрингер.

– Принимаю, – сразу отозвался полноватый мужчина в вышитом золотом кафтане, который сидел за нашими спинами. – Тридцать крон?

– Да пусть будет пятьдесят, – ответил Шпрингер.

– Тогда и я войду на пятьдесят, – тихо сказал высокий дворянин, сидевший за два кресла от прекрасной Риты. – Я видел этого палача в Альтенбурге, господин Шпрингер, и могу поручиться: вы только что потеряли деньги.

– Всяко случается, – глубокомысленно изрек советник бургграфа. – И не всегда, как хочется.

– А вы, мастер, – спросила меня Рита. – Не воспользуетесь вашим богатым профессиональным опытом, чтобы сказать нам о способностях коллеги? Умело его повесит или нет? Осужденный будет дрыгать ногами до заката или испустит дух раньше?

Очевидно, сравнением с палачом она хотела меня оскорбить, но ваш низжайший слуга и не такое о себе слышал – и не из таких уст. Вокруг нас установилось смущенное молчание, но я лишь усмехнулся снисходительно.

– Судьба этого человека – в руках Господа, – ответил я. – А сколь долго будет умирать, никакого значения не имеет, коль сравнить со временем адских мук, которые претерпит – как и всякий грешник, что осмелился нарушать земные или небесные законы.

У бургграфа внезапно случился приступ кашля, и Шпрингер похлопал его по спине.

– Хорошо сказано, мастер Маддердин, – сказал Линде, успокоившись.

– Полагаю, вы просто не знаете, – снисходительно сказала певица и отвернулась в сторону высокого шляхтича, что глядел на нее, приоткрыв рот.

Я же внимательно следил за золотыми руками альтенбургского самородка. Полагаю, у него была специально выделанная веревка, однако ее одной не хватило бы для удивительного повешения, которое было нам обещано. А значит, почти наверняка он постарался бы, чтобы петля не затянулась на шее осужденного, но захлестнула его подбородок.

Трубы взревели снова, а палач с размаха вышиб табурет из-под ног преступника. Но одновременно и придержал того под локоть, чтобы не слишком резко повис в петле – иначе сломал бы себе шею и тем самым лишил всех зрелища. Движение палача было молниеносным, столь же быстро он и отдернул ладонь, но я ясно видел его жест.

В этом и заключался очередной трюк. Преступник хрипел, багровел лицом, дрыгал ногами, слюна стекала у него из уголков рта. Обмочился – публика ответила ревом, полным восхищения.

– Правда ли, что мужское естество твердеет во время повешения, а из семени, если оно падает на землю, вырастает магический корень мандрагоры? – поинтересовалась Рита.

Я заметил, что она вглядывается в конвульсии осужденного с нездоровым любопытством: глаза ее расширились. Некогда мы с братьями-инквизиторами задумывались, отчего среди палачей нет женщин, и решили, что по двум причинам. Во-первых, большинство из них не сумели бы мучить и умерщвлять своих близких. Но вторая причина куда интересней. Мы знали, что оставшееся меньшинство – из тех, кто справился бы с этим заданием, – открыло бы для себя в пытках отвратительное наслаждение, граничащее с сексуальным экстазом. А это плохо сказалось бы на деле, которым следует заниматься с отстраненным профессионализмом.

– Если хотите убедиться, наш уважаемый хозяин позволит вам проверить, куда подевалось семя этого человека, – сказал я.

Сидевший подле певицы дворянин подскочил как ошпаренный.

– Не забываетесь! – рявкнул обвиняющим тоном. – Будьте-ка повежливее с дамой!

– Я не слишком вежливый человек, – ответил я, глядя ему в глаза, и он отвел взгляд, будто обжегся.

Рита уже открыла рот, чтобы ответить на мой выпад (и слова ее наверняка меня бы не порадовали), как вдруг случилось нечто – и это позволило нам надолго забыть о недостойной внимания дискуссии. Ибо стряслось то, что не часто случается во время экзекуций и вообще не должно бы происходить, если за дело берется человек столь опытный, как палач из Альтенбурга. Веревка порвалась, и осужденный с грохотом рухнул на доски эшафота. Кланявшийся публике палач замер, а потом обернулся к виселице с выражением почти комичного недоверия на лице. И оное недоверие не давало повода подозревать его в специально подрезанной веревке. Слишком уж ценил он свое доброе имя и слишком был честолобив, чтобы даже щедрая награда могла склонить его к обману.

– Ну и дела, – произнес бесцветным голосом Шпрингер, но его слова, пожалуй, услышал лишь я, поскольку крики толпы заглушили все остальное.

Тем не менее трудно было не согласиться с этим предельно лапидарным описанием ситуации. Бургграф раскашлялся и покраснел так, будто его вот-вот хватит апоплексический удар, а Рита хлопнула в ладоши.

– Невиновен! – крикнули из толпы. – Он невиновен!

– Такова воля Божья! – проорал кто-то еще.

В чем именно состоит воля Божья – о том судить не народу, и все же ситуация была очень интересной. Бургграф наконец откашлялся и теперь большими глотками пил вино, а красная жидкость стекала ему на подбородок. Отдав бокал своему слуге, он повернулся к вашему покорному.

– И что мне делать?

Я только развел руками, поскольку это было не мое дело.

– Пусть вешают снова! – радостно воскликнула Рита, а Шпрингер, услышав ее слова, зашипел.

– Так нельзя, – сказал он негромко.

Толпа явно разделилась во мнениях. Одни жаждали продолжения экзекуции, другие кричали, что осужденный, очевидно, невиновен или же Бог простил ему грехи. Слышал я и насмешливые выкрики в адрес палача. Златорукий самородок тоже их услышал, и лицо его покрыл румянец. Понятное дело: произошедшее было для него будто пощечина. Он принялся оживленно дискутировать с помощниками и на одного даже замахнулся, но, услышав смех черни, отдернул ладонь. Встал на краю эшафота, глядя в нашу сторону.

Как и все, знал, что теперь все зависит от бургграфа.

– Но я ведь не могу отпустить преступника, Мордимер, – шепнул Линде, а потом встал с кресла. Поднял ладонь в знак того, что хочет говорить.

Толпа стихла, все в напряжении ожидали слов бургграфа.

– Уважаемые мещане! – крикнул Линде. – Нам повезло, поскольку с нами здесь присутствует знаток законов и обычаев, достойный мастер Инквизиториума в Хез-хезроне, лицензированный инквизитор Его Преосвященства епископа. Он скажет нам, как следует поступить, чтобы остаться в согласии с законом и обычаем.

Я был взбешен. Нечеловечески взбешен выходкой Линде, который пытался втянуть меня во весь этот цирк. Но, поскольку бургграф указывал на меня, встал; я видел злобную усмешку на губах Риты.

– Закон и обычай – святы, – сказал я громко. – А в этом случае обычай недвусмысленно заявляет: осужденный может быть освобожден, если судья, который его осудил, возьмет назад свое обвинение. Если же, напротив, будет требовать смерти, экзекуцию следует повторить. И вспомните, о чем говорит Писание: *«Ибо мы не сильны против истины, но сильны за истину»*⁷.

После чего я снова сел.

– Весьма благодарен вам, мастер, – сказал с чувством бургграф, – за ясное и простое изложение сути закона.

Мне тоже показалось, что все изложено просто и ясно, но теперь снова наступило время Линде. Неужто он и вправду был настолько глуп, чтобы предположить, будто я окажусь идиотом и подставлюсь вместо него? В наши времена никто и не взглянет на девиц, бросающих преступникам на эшафоте белые платки⁸ (ведь оную девицу за пару монет можно нанять в любом борделе), но порвавшаяся веревка – совсем другое дело. Редчайший случай, который

⁷ 2-е Кор. 13:8.

⁸ Обычай в средневековом праве, позволявший освободить обреченного на казнь, если найдется девица или вдова, пожелавшая взять казнимого в мужа.

всегда вызывает пересуды о чуде и о знаке Божьей воли. Хотя, как полагал ваш нижайший слуга, даже если бы половина случаев, кои плебс именовал чудесами, были таковыми на самом деле, Господь Бог наш Всемогуший не успевал бы заниматься ничем, кроме как сотворением оных чудес.

– Может, это чудо? – спросил Шпрингер, будто подслушав мои мысли.

– Чудо – то, что солнце встает утром и заходит вечером. Чудо случается ежедневно во время святой мессы, – ответил я. – Но не спешите называть чудом нечто, что может оказаться лишь случайностью.

– А разве не Господь управляет случайностями? – быстро спросила Рита.

– Господь управляет всем, – ответил я, склонившись к ней. – Но подумайте: даже если Он приказал веревке оборваться, то этому может быть много объяснений. Скажем, это случилось, чтобы мы, вопреки всему, покорно исполняли закон, согласно с Писанием: «*Любите справедливость, судьи земли*»⁹. Разве сие Божье повеление не важнее достойного сожаления случая с оборванной веревкой? Разве нельзя предположить, что Господь именно так проверяет нашу веру в справедливость и следит за тем, сумеем ли мы ее защитить?

– Значит, повесить его? – спросил понуро бургграф.

– А если, – ответил я, – Бог дает знак: «Сей человек невиновен»? Или даже так: «Сей человек виновен, однако же Я предназначил его для высшей цели и хочу, чтобы жил он во Славу Мою»?

– Вы, мастер, меня удивляете, – сказал бургграф, минуту помолчав.

Я даже не улыбнулся. Он почувствовал лишь привкус того, с чем нам, инквизиторам, приходится иметь дело ежедневно. Притом – чрезвычайно ясно понимая, что никогда не угадаем мы Божьих помыслов. Ну что же, мой Ангел когда-то сказал: все мы виновны, и вопрос лишь во времени наказания и в его величине. И я истово надеялся, что мое время наступит не скоро, а наказание окажется не столь уж суровым. Но помните, что вину можно отыскать в любой мысли, в любом поступке, в любом начинании.

– Выходит, один к двум, что выбор будет верен? – спросил Шпрингер.

«А если один к одному, что – окажется плох?» – хотел я сказать ему, но сдержался. Не был склонен вести теологические споры, сознавая к тому же, что Господь сотворил меня не в качестве мозга, но лишь орудия. Я только осмеливался питать надежду, что сим послужу его планам.

– Вешайте! – крикнула пискляво Рита, и бургграф вздрогнул, будто в него воткнули иглу. Встал, поднял руку, и на площади снова воцарилась тишина.

– Уважаемые горожане, – сказал. – Прозрите умом и сердцем: сумел бы я объяснить такое вот семьям погибших? Чем бы оправдал свою милость перед отцами, братьями и матерями тех несчастных девиц? Что сказали бы они, увидав, как преступник свободно разгуливает под солнцем? Так пусть же свершится закон, – возвысил он голос. – Вешайте!

Златорукий альтенбургский самородок просиял. Он получил возможность исправить впечатление от неудавшейся экзекуции и надеялся, что ошибку ему простят. Кивнул помощникам: те подхватили осужденного под руки. Конечно, пришлось сменить веревку, и это заняло некоторое время. Палач проверил ее с еще большим тщанием, чем в прошлый раз. Каждое волоконец осматривал столь внимательно и столь истово, будто ласкал любимую.

И все же – вы ведь уже не удивитесь, милые мои? – веревка оборвалась снова. Еще быстрее, чем в прошлый раз. Палач, пораженный, так и сел на эшафоте и спрятал лицо в ладонях, а по площади разлилась испуганная тишина, которую нарушали лишь хрип и кашель лежавшего навзничь несостоявшегося висельника.

⁹ Книга Премудрости Соломона, 1:1.

– Опаньки, – сказал Шпрингер и, кажется, испугался собственного голоса, потому как быстро опустил голову.

Слова эти очень точно описывали случившееся. Мне хотелось смеяться, и вместе с тем я был удивлен, ибо впервые стал свидетелем столь необычного происшествия во время казни. Не было и следа обмана. Преступник из Биарритца обладал проклятушим, огромным, небывалым везением. Или же здесь случилось чудо.

Только, видите ли, нужно было еще разобраться, кто подавал сей чудесный знак. А все могло оказаться не таким уж простым: известно ведь, сколь велика сила Зла и к каким изобретательным коварствам прибегает Сатана, чтобы смутить сердца набожных агнцев.

– Сие Перст Божий!¹⁰ – выкрикнул кто-то из толпы слова Писания.

Несколько человек, главным образом из тех, что стояли перед эшафотом, пали на колени и принялись молиться вслух. Бабища в цветном платке пищала тонким отчаянным голосом, воздев руки. Некий старец громко клялся более не грешить. Учитывая возраст и внешний вид клянущегося, не думаю, что обещание было бы трудно сдержать. Между тем дело принимало скверный оборот. Мне была хорошо видна группка людей, ошеломленных и стоявших в понуrom молчании. Я догадывался, что это – семьи убитых девушек. Среди них – несколько крепких мужчин, и я был уверен, что все они вооружены. На площади теперь запросто могло дойти до кровопролития, и тогда ничто не удержало бы мещан от попытки устроить в городе беспорядки.

«Вот же зрелище организовал себе бургграф», – подумал я злорадно, но при этом и обеспокоенно. Особенно учитывая, что Шпрингер наконец опомнился и нервно подозвал офицеров стражи. Я также заметил, что арбалетчики на стенах теперь целились в толпу. Нужно было что-то предпринять, ибо бездействие властей могло подтолкнуть людей к бунту. Но Линде лишь глупо пялился на происходившее, и я не думал, будто он способен что-либо предпринять. Поэтому вашему покорному слуге пришлось взять дело в свои руки. Вопреки сильнейшему желанию оставаться в тени и обойтись без участия в достойном сожаления балагане – я встал.

Но не успел даже рта раскрыть, как раздался крик Риты:

– Здесь Зло! – завопила она пронзительным голосом, от которого и зеркало бы треснуло. – Не дайте ему победить, честной народ! Глядите! – подняла руку, и закатное солнце засияло меж ее белыми пальцами. – Дьявол сошел меж нас и оборвал когтями веревку. Не чуете разве смрада серы?!

Толпа неуверенно загудела, а некоторые из коленопреклоненных даже поднялись на ноги, нервно оглядываясь, словно дьявол мог в любой миг предстать пред ними в столпе серного дыма.

– Видел дьявола! – рыкнул мужчина, что стоял подле группки хмурых горожан. – Оборвал веревку и улетел в небо!

– И я видел! – быстро смекнул, что к чему, его товарищ.

– Молитесь! – Я скривился, поскольку Рита стояла недалеко от меня: думал, что моя барабанная перепонка попросту лопнет. – *Отче наш, суций на небесах...*

И, о чудо, толпа сперва неохотно, но подхватила молитву. В голосе певицы было нечто захватывающее, а ее высокая, светлая фигурка, перегнувшаяся через балюстраду ложи, не могла не впечатлить толпу. Группка хмурых мужчин громко и с чувством повторяла слова молитвы вслед за Ритой. Особенно же громко они вопили: «...и дай нам силу не простить обидчиков наших».

Судьба осужденного с этого мига была предreshена, а я присмотрелся к Златовласой с интересом, не лишенным уважения.

¹⁰ Исх. 8:19.

* * *

Прием был шумным, еда и питье – превосходными. Как можете догадаться, милые мои, главной темой разговоров стал невероятный случай двукратного обрыва веревки на виселице. Бургграф справедливо решил не платить палачу ни грошика, а златорукий талант из Альтенбурга (хотя не знаю, будут ли его звать так после посещения Биарритца) о гонораре – куда как предусмотрительно! – даже не заикнулся. В конце концов, подвалы замка Линде были глубоки, а сам Линде – наверняка не расположен к шуткам и не спустил бы подобного неуважения.

Златовласая Рита получила от бургграфа корзину лучших роз из садов Биарритца и была поселена в покоях, достойных королевы. И я был уверен, что этими авансами бургграф не ограничится, а певица покинет город с ценными подарками. Которые, скажем честно, заработала, ибо все верили, что именно она предотвратила бунт.

Ваш нижайший слуга тоже был ей благодарен, поскольку в ином случае, чтобы успокоить толпу, пришлось бы мне брать на себя власть от имени Инквизиториума. А мы, люди смиренного сердца, предпочитаем оставаться в тени.

Третья попытка казни прошла намного удачней. Палач не стал развлекаться утонченными играми, он сильно дернул осужденного за ноги, ломая ему шею. Я даже думать не хотел, что случилось бы, оборвись веревка в третий раз, но Божья милость не оставила Биарритц.

Обрадованный бургграф приказал выпустить из подземелий нескольких преступников, оставив их даже без вразумляющего знакомства с плетью, но мне было интересно другое: отчего Рита решила настроить толпу против осужденного? Отчего кричала о присутствии Зла, хотя могла спасти преступнику жизнь, крикнув, что видит Ангела?

Впрочем, с точки зрения чистоты веры и то и другое было куда как подозрительным, и будь я бездушным служакою, мог бы уже сейчас вести официальное расследование. И был уверен, что многие братья-инквизиторы не преминули бы воспользоваться такой okazji.

– Благодарю вас, – сказал я, когда во время приема оказался поблизости от певицы. – Достойные удивления самообладание, ясность ума и необычная сила голоса. – Я уважительно приподнял бокал.

Она слегка усмехнулась. Глаза ее блестели, а щеки покраснелись от вина.

– И слабая женщина может для чего-то пригодиться, мастер Маддердин.

– Как видно, не столь уж слабая – ибо кто еще сможет сказать о себе, что сохранил мир в целом городе и сберег множество человеческих жизней? – спросил я вежливо.

Она улыбнулась шире, чрезвычайно довольная собою. Как видно, потешить ее тщеславие было легко.

Подошла ближе, и я ощутил тяжелый запах ее духов.

– Я заметила, что вы тоже поднялись тогда, мастер. Не будет ли невежливым спросить вас, что собирались предпринять?

Она стояла ко мне боком, и я видел ее прелестное личико и смелый абрис груди. Но ваш нижайший слуга обучен открывать скрытое и добираться до сути, не позволяя смутить себя фальшивой видимостью. Поэтому я мысленно усмехнулся, размышляя над тщеславием женщин, вслух же сказал:

– Я собирался принять власть в городе от имени Святого Официума.

– Вы обладаете таким правом? – Ее глаза блеснули.

– Не осмелился бы никогда прибегнуть к нему без весомой причины, – ответил я ей серьезно.

– Вы один, без стражи, без войска... – она явно не могла поверить.

– Такова уж сила Господа, которую обрел Он, сходя с Распятия Своей муки и неся врагам пламя и железо, – сказал я и, по крайней мере, не согрешил против истины, поскольку уже само именование «инквизитор» для многих звучало словно тревожный набат.

Разговор наш прервал молодой, захмелевший дворянчик, который бесцеремонно отодвинул меня и начал славить красоту и мудрость Риты.

– Позвольте представить вам, – ласково прервала она его, – мастера Мордимера Маддердина, инквизитора из Хеза.

Молодой дворянчик побледнел, пробормотал извинения и постарался быстро затеряться в толпе. Я усмехнулся, а певица пренебрежительно надула губки.

– Что за трус, – сказала она.

– А позвольте ль задать вам вопрос?

Она смотрела на меня некоторое время, а потом кивнула проходившему мимо юноше.

– Не наполните мой бокал? – попросила с чарующей улыбкой.

Юноша покраснел, словно девица, и почти вырвал бокал из рук Риты.

– Может быть, – ответила мне. – Все будет зависеть от вопроса.

– Зачем вы обрекли его на смерть? Столь же легко вы могли бы спасти ему жизнь.

Она рассмеялась.

– А я уже думала, мастер, что вы пожелаете выпытать у меня мои сладчайшие секреты и мрачайшие тайны, – сказала, обмахиваясь шелковым платочком. – Я в вас ошиблась!

– Прошу прощения, – склонил я голову.

– Благородная госпожа, – юноша с бокалом появился подле Риты. – Позвольте...

Она приняла бокал из его рук и вновь одарила усмешкой.

– Когда начнутся танцы, не пожелаете ль вы... – начал юноша, пламенея румянцем.

– Простите, – прервала его Рита вежливо, но твердо. – Я сейчас говорю о весьма важных делах с уважаемым мастером Инквизиториума.

Юноша глянул на меня скорее с завистью, чем со страхом, потом глубоко поклонился Рите и отошел не разгибаясь, спиной вперед.

– Позволю, однако, надеяться... – пробормотал на прощание.

Она кивнула, а затем снова повернулась ко мне.

– Даже странно, что вы не додумались до этого сами. Я сделала это по крайней мере по трем причинам.

– Благодарность бургграфа, ибо освобождение осужденного, было ли чудом или нет, серьезно повредило бы его престижу. Благодарность родственников убитых, а значит – жителей Биарритца, – сказал я. – Но третьей причины я не знаю.

– Благодарность. Хорошее слово, – Рита улыбнулась обезоруживающе. – Подумайте, что бы я получила, спаси его жизнь? Гнев одних, проблемы для других, конфликты и даже, как знать, кровопролитие? А был он человеком, никому не известным. Приблудой.

– Осталась третья причина, – сказал я, лениво размышляя, во сколько звонких крон была оценена благодарность родственников убитых девушек.

– Пусть останется моей сладкой тайной. Без обид, мастер.

– Конечно, без обид. Каждый имеет право на тайны.

– Именно, – вежливо кивнула она мне и умело смешалась с толпой.

Тотчас вокруг нее выстроились обожатели, а мужские взгляды только что не срывали с нее платье, непрестанно ловя малейшее движение выдающегося бюста Риты. Я усмехнулся собственным мыслям и протолкался к Шпрингеру, который как раз давал некие поручения мажордому.

– Сейчас начнутся бои, – сказал он мне. – Будете ставить, мастер Маддердин?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.